

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

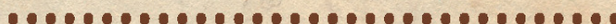
ПАТРИЦИЯ

ВЕНТВОРТ

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

КИТАЙСКАЯ ШАЛЬ

Золотой век английского детектива

Патриция Вентворт

**На краю пропасти.
Китайская шаль (сборник)**

«АСТ»

1942, 1943

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Вентворт П.

На краю пропасти. Китайская шаль (сборник) / П. Вентворт —
«АСТ», 1942, 1943 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-110457-3

Маленькая деревушка на берегу моря потрясена жестоким убийством: кто-то столкнул с крутого обрыва девушку, никогда и никому не делавшую зла. Ревнивый поклонник? Тайная соперница? Полиция отмечает одну версию за другой, пока наконец к расследованию не подключается Мод Сильвер. Лишь она обращает внимание на клетчатый жакет, который был на жертве, — необычайно дорогая вещь для скромной провинциалки. Возможно, подарок? Но... чей? И не окажется ли он единственной зацепкой, способной привести к убийце? Танис Лайл привыкла покорять и сводить мужчин с ума одним взглядом. Но за привычку менять поклонников как перчатки роковой красавице однажды пришлось заплатить... собственной жизнью. Полицию, расследующую убийство Танис, интересует только одно: как отыскать преступника среди множества подозреваемых — жаждущих мести брошенных женщин и обезумевших от ревности воздыхателей? Однако Мод Сильвер не дает покоя маленькая деталь...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-110457-3

© Вентворт П., 1942, 1943
© АСТ, 1942, 1943

Содержание

На краю пропасти	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	29
Глава 10	33
Глава 11	35
Глава 12	39
Глава 13	41
Глава 14	43
Глава 15	46
Глава 16	49
Глава 17	53
Глава 18	55
Глава 19	57
Глава 20	60
Глава 21	62
Глава 22	65
Глава 23	68
Глава 24	71
Глава 25	73
Глава 26	74
Глава 27	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Патриция Вентворт
На краю пропасти. Китайская шаль
Сборник

Patricia Wentworth
Danger Point
The Chinese Shawl

© Patricia Wentworth, 1942, 1943
© Школа перевода В. Баканова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

На краю пропасти

Все персонажи книги вымышленные. События, описываемые в романе, происходили в конце лета 1939 года.

Глава 1

Мисс Мод Сильвер оглядела толпу на перроне и порадовалась своему везению: она с удобством расположилась в углу купе, против хода поезда, чтобы копоть не летела в лицо. На соседнем сиденье лежал журнал, подарок племянницы.

Пожилая дама с добродушной улыбкой рассматривала семейства, снующие по платформе. В голове мисс Сильвер, неисправимой викторианки, вертелась подходящая случаю цитата: «Голос, гудок, разговор полуночный...»

До полуночи было далеко, стояло ясное июльское утро, но точность в поэзии – дело десятое.

Голос, гудок, разговор полуночный, и снова
Лишь пустота и молчанье —
Во тьме разминулись суда...¹

Разумеется, в переносном смысле. Мисс Сильвер надеялась, что процитировала верно.

Ах ты, Господи, вот так толпа! В праздники никому не сидится на месте. Она и сама провела в Уайтстоне чудесные две недели с Этель и детьми. После хитроумного дела с ядовитыми гусеницами было весьма утешительно передохнуть в кругу семьи. Целыми днями мисс Сильвер просиживала на пляже, успев связать очаровательному пухлому карапузу три пары носков и курточку. Она превосходно отдохнула, а то обстоятельство, что гусеницы у моря не водятся, добавляло отдыху очарования.

Тучная мамаша с решительностью танка протискивалась сквозь толпу. Один из трех ее отпрысков что-то нес в корзинке. Повозившись с задвижкой, мальчишка приподнял крышку, из корзинки молнией шмыгнул черный котенок – и был таков.

– Ах ты, Господи! – повторила мисс Сильвер, одобряя крепкий подзатыльник, который мамаша отвесила сорванцу. Семейство дружно бросилось догонять котенка, и мисс Сильвер потеряла их из виду.

Похоже, в отличие от мисс Сильвер остальные пассажиры не собирались возвращаться в Лондон этим поездом. Что ж, если на ее купе никто не покусится, поездка и впрямь удалась. Впрочем, в подобное везение верилось с трудом. Мимо ее окон торжественно, словно по безлюдной, продуваемой ветрами вересковой пустоши, прошествовал худой верзила: голова и плечи возвышались над толпой, на лице застыла печаль. За ним следовали две юные болтушки в серых брючках и кричащих безрукавках: напомаженные губки блестели, изящно уложенные пряди отливали золотом. Суровая накрахмаленная бонна сопровождала малютку в небесно-голубом матросском костюме. Дитя вертелось, вцепившись в новехонькое ведерко для песка, светлые волосы курчавились, голые плечи и голени покрывал бронзовый загар.

По всему выходило, что никто не собирался набиваться мисс Сильвер в попутчики.

Пожилая дама опустила глаза на часики, приколотые к коричневой шелковой блузе золотой брошью. Часики подтвердили догадку: поезд готов отбыть. Ее костюм состоял из неброс-

¹ Мисс Сильвер неточно цитирует поэму Г. У. Лонгфелло «Рассказы придорожной гостиницы». – *Здесь и далее примеч. пер.*

кого чесучового пиджака и юбки, строгих черных туфель и коричневой шляпки с букетиком резеды и пурпурных анютиных глазок. Серые вязанные перчатки покоились на коленях мисс Сильвер рядом с выдавшей виды черной сумочкой. Под шляпкой обнаруживались мышиного цвета волосы, блеклая кожа и приятные черты немолодой уже дамы. Горло украшала крупная брошь-каменя с головой греческого воина; нитка бусин мореного дуба дважды изящно обвивала шею и спускалась к поясу, позвякивая о пенсне на тонком черном шнурке.

Раздался свисток, поезд дернулся, кто-то закричал. Дверь купе распахнулась. Второй рывок. Высокая девушка в сером костюме вскочила в купе. Третий рывок швырнул ее на мисс Сильвер, но та была начеку: поддержала незнакомку, захлопнула дверь. Лайл Джернин-хем обнаружила, что над ней склонилась особа, похожая на отошедшую от дел гувернантку, а голос, напоминавший о классной комнате, настоятельно советовал ей не пренебрегать безопасностью, «а также правилами железнодорожной компании», запрыгивая в поезд на ходу. Голос шел издалека, с той стороны бездны, отделившей Лайл от прочих живых существ. Там, далеко-далеко, осталась ее классная комната, и похожий голос твердил: «Не хлопай дверью, Лайл. Сядь, дорогая, да поровнее, не разваливайся. А когда я говорю, слушай внимательно». Все ушло, все осталось по ту сторону бездны...

– Это крайне опасно, – серьезным тоном увещевала незнакомку мисс Сильвер.

Лайл подняла глаза.

– Опасно, наверное. Впрочем, не все ли равно?

Маленькая чопорная гувернантка с прямой спиной сидела в углу купе в старомодном наряде и шляпке давно забытого фасона, и Лайл вполне могла бы дотронуться до нее, но на самом деле и мисс Сильвер, и ее голос были далеко.

– Не все ли равно, – повторила Лайл устало и откинулась на спинку сиденья.

Мисс Сильвер молча изучала незнакомку. Высокая и тоненькая пепельная блондинка с молочно-белой кожей, скорее скандинавского, чем английского типа. Не голубоглазая, как полагалось бы англичанке с таким цветом волос, – глаза незнакомки, бездумно следившие за пролетающим пейзажем, были чистейшего серого цвета, ресницы – на несколько тонов темнее волос. Тонкие золотистые брови причудливо изгибались словно расправленные крылья. Из-за них лицо казалось бледным как полотно. Мисс Сильвер подумала, что впервые видит такой цвет лица у живых.

Серый шерстяной костюм превосходного кроя отличала недешевая простота; костюм дополняла фетровая шляпка, небрежно завязанная синей лентой, серая сумочка с инициалом Л, тонкие чулки, дорогие серые туфли. Мисс Сильверхватило беглого взгляда, чтобы оценить наряд незнакомки. Затем взгляд скользнул к рукам без перчаток, задержался на платиновом обручальном кольце и успокоился на собственных коленях, обтянутых дешевой чесучой. Изошренный ум вынес заключение, уместившееся в трех определениях: не в себе – при деньгах – замужем.

Закончив наблюдения, мисс Сильвер обратилась к журналу, которым столь любезно снабдила ее в дорогу Этель, но не продвинулась дальше трех страниц. Взгляд пожилой дамы утратил пронизательность, стал рассеянным.

Спустя некоторое время мисс Сильвер захлопнула журнал и повернулась к незнакомке:

– Не хотите полистать?

Серые глаза неохотно встретили ее взгляд. Мисс Сильвер оценила усилие, которое пришлось предпринять попутчице, ибо эти глаза не видели плоских зеленых полей, разлинованных изгородями на клеточки одинакового размера, пролетавших все быстрее, по мере того как поезд набирал скорость. По правде сказать, не видели они и саму мисс Сильвер.

Отбросив уловки, пожилая дама спросила напрямик:

– Что-то случилось? Могу я помочь вам?

Ее голос, участливый и властный, достиг ушей Лайл Джернинхем – голос, но не слова. Слова значили не больше, чем стук вагонных колес. И все же взгляд стал более живым и осмысленным.

– Вы очень добры, – сказала Лайл.

– Кажется, вы пережили сильное потрясение.

Это прозвучало как утверждение, не как вопрос.

– Откуда вы знаете?

– И бежали сломя голову.

– Откуда вы знаете? – переспросила Лайл жалобно.

– Это лондонский поезд. Вы не сели бы в него без перчаток, если бы не спешили. Перчаток нет и в сумочке – иначе у нее выпирали бы бока.

Уверенный голос успокаивал, заставлял забыть страхи.

– Сломя голову, – отозвалась Лайл горестным эхом.

– Почему? – спросила мисс Сильвер.

– Говорят, он хочет меня убить, – ответила попутчица.

Мисс Сильвер не выказала ни удивления, ни недоверия. Ей было не впервой выслушивать чужие откровения. Более того, это было ее профессией.

– О Господи, кто? Кто хочет вас убить?

Лайл Джернинхем ответила:

– Мой муж.

Глава 2

Мисс Сильвер всмотрелась в попутчицу. Зачастую подобные обвинения – признак психической неуравновешенности. Ей уже случалось иметь дело с манией преследования, впрочем, как и с покушениями на убийство. Нередко только ее вмешательство оставляло убийцу ни с чем.

Однако Лайл Джернинхем не была похожа на сумасшедшую, скорее всего ее рассудок лишь временно помутился от горя. Так бывает: шок притупляет боль.

Эти размышления заняли несколько секунд.

– Ах ты, Господи! – снова повторила мисс Сильвер. – Вы уверены, что муж?

Лицо попутчицы осталось бесстрастным.

– Так говорят, – механически ответила она.

– Кто?

– Не знаю, я стояла за изгородью...

Голос задрожал. Глаза Лайл оставались открытыми, но она больше не видела мисс Сильвер: перед ней снова встала низкая тисовая ограда, усыпанная кроваво-красными колокольчиками с зелеными язычками. Солнце немилосердно припекало спину, в нос бил терпкий аромат тиса. Она рассматривала одну из кроваво-красных ягод, покрытых пушком, и внезапно услышала голоса.

«– Понимаешь, разное болтают... – нарочито медленно протянул незнакомый низкий голос.

– Дорогая, ты можешь мне довериться! – взволнованно перебил другой.

И снова в разговор вступил первый голос».

Очнувшись, Лайл обнаружила, что сидит в купе поезда напротив маленькой чопорной дамы. Возможно, если она будет говорить, голоса в ее голове замолчат?

И Лайл продолжила:

– Сначала я не поняла, что они обсуждают Дейла. Подслушивать дурно, но я не устояла.

Мисс Сильвер открыла сумочку, спрятала журнал и как ни в чем не бывало занялась серым носком для старшего сына Этель. Металлические спицы замелькали в маленьких пухлых ручках, а мисс Сильвер между тем заметила:

– Как я вас понимаю! Дейл – ваш муж?

– Да.

Для Лайл разговор был таким облегчением!.. Собственный голос заглушал голоса, звучащие в ее голове. Но когда Лайл замолкала, они снова вступали, упрямо, раз за разом, словно заевшая грампластинка. Стоило ей замяться, и голоса ворвались в уши, а запах нагретого солнцем тиса ударил в ноздри.

«– Этот несчастный случай ему весьма на руку, – со смехом протянул первый голос.

– Дейлу Джернинхему всегда везло, – последовал жестокий ответ».

Так Лайл поняла, что говорят о Дейле.

– Я ни о чем не догадывалась, – пробормотала она еле слышно, – пока она не сказала...

– Не сказала чего, милочка? – Пожилая дама перевернула носок.

Лайл не сознавала, что беседует с мисс Сильвер, – просто не могла больше слышать назойливые голоса.

– Они говорили, Дейлу повезло, что его первая жена погибла. Ему едва исполнилось двадцать, а она была старше и очень богата, ну, вы понимаете. Мол, если бы не этот брак, Дейлу пришлось бы продать Тэнфилд. Не знаю, я ничего не знаю! Ее звали Лидия. Они говорили, что он не любил жену, а она его обожала и завещала мужу все деньги, но спустя месяц погибла

в Швейцарии. И будто бы без ее наследства Дейл потерял бы Тэнфилд. Не знаю, я ничего не знаю!

Мисс Сильвер пристально всмотрелась в собеседницу: застывшая маска вместо лица, ни красок, ни жизни, ровный механический голос. Кажется, дело не только в давнем несчастном случае с первой женой.

– Я большая почитательница лорда Теннисона, – заметила мисс Сильвер вслух. – Жаль, что ныне он почти забыт; впрочем, его время еще придет. «Нет лжи страшнее полуправды»² – вот о чем следует помнить, услышав злую сплетню.

Смысл слов ускользал от Лайл, но мягкий уверенный тон попутчицы успокаивал.

– Вы считаете, они лгут?

– Откуда мне знать, милочка.

– Она упала, разбилась, я не знала ее, это было так давно. А они говорят, ему повезло...

На мгновение спицы остановились.

– Но ведь это не все, что вы услышали?

Рука Лайл метнулась к лицу. Если она замолчит, голоса вернутся; уж лучше болтать без умолку, хотя тогда придется сказать и о том, что заставляет сердце сжиматься от боли.

– Еще они говорили, – запинаясь пробормотала Лайл, – что ее деньги спасли Тэнфилд. А Дейл уверяет, что все его сбережения уничтожила Депрессия. А потом... потом они сказали, что теперь он зарится на мои...

– А вы богаты?

Серые глаза равнодушно скользнули по лицу мисс Сильвер, бледные губы прошептали:

– Да.

– И вы завещали мужу все свое состояние?

– Да.

– Когда?

– Две недели назад. Мы женаты полгода.

Мисс Сильвер молча вязала. В ушах Лайл Джернингхем снова зазвучал нарочито протяжный голос:

«– Деньги вложены в дело, но если с ней что-нибудь случится, Дейлу не составит труда их заполнить».

И второй, полный злобы:

– Еще один несчастный случай?»

Нахлынула боль, сметая оцепенение. Уж лучше самой повторять эти страшные слова, чем слышать их в своей голове! Задыхаясь, Лайл пролепетала:

– «Еще один несчастный случай?» Понимаете, Дейлу нужны деньги на содержание Тэнфилда. Я не слишком жалую это поместье, оно такое громадное, Мэнор куда больше похож на дом. Почему бы не продать Тэнфилд, спросила я как-то Дейла. А он заявил, что его семья жила тут веками. И мы поссорились. Но он никогда бы...

– Расскажите про несчастный случай, – попросила мисс Сильвер.

– Я чуть не утонула. Дейл, Рейф и Алисия плескались на мелководье и не слышали моих криков. Они говорят...

В уши громовым раскатом ворвался голос незнакомки за изгородью:

«– Еще один несчастный случай?»

Ему вторил другой:

– Ее вытащили из моря, как слепого котенка. Дейл готовился повторно стать безутешным вдовцом, а она не утонула и он остался без денег. Впрочем, еще не вечер.

– Но кто осмелился ему помешать? Кто ее бестактный спаситель?

² Альфред Теннисон, «Стансы».

- Не Дейл, – протянул первый голос».
- Рука Лайл упала на колени. Голоса одерживали верх.
- Издалека до нее донеслись слова мисс Сильвер:
- Вы ведь не утонули. Кто вас спас?
- Не Дейл, – ответила Лайл Джернинхем.

Глава 3

У поворота на Крэнфилд-Холт поезд замедлил ход. Иногда он проезжал мимо, но сегодня собрался затормозить. На открытой загородной платформе стояли пассажиры, причем четверо явно нацелились на купе, в котором мисс Сильвер надеялась продолжить захватывающую беседу. Пассажиры – цветущая говорливая мамаша с тремя отпрысками от шести до шестнадцати, едущие навестить городских родственников, – втиснулись между ней и ее бледнокожей попутчицей. Купе наполнилось возгласами, суждениями, замечаниями и восторгами.

Лайл Джернинхем откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. И зачем только она поехала в Маунтсфорд? Крейны не ее друзья, они приятели Дейла. В последний момент муж передумал, и ей пришлось отправляться одной. Какие-то дела в Бирмингеме, деньги Лидии, не бог весть сколько, теперь она знает. Деньги Лидии... Нет, нельзя думать о Лидии.

Хозяин, мистер Крейн – шумный гостеприимный толстяк, – нравился Лайл, но под взглядом миссис Крейн ей всегда хотелось стереть с лица воображаемую сажу. Миссис Крейн, как и большинство женщин, была без ума от Дейла и осуждала его выбор. Преданная мужу, миссис Крейн не желала отказываться от преданности поклонников. Ей требовались обожатели, а Дейл не оправдал ее надежд, женившись на Лайл. Неудивительно, что миссис Крейн недолюбливала его молодую жену.

Дейл не должен был отпускать ее в Маунтсфорд, а ей не следовало ехать в одиночку. И она не стояла бы у ограды под палящим солнцем, вдыхая терпкий аромат тиса, слушая, как незнакомый голос произносит: «Несчастный случай был ему на руку».

Усилием воли Лайл отбросила прочь неотвязные мысли. Вчера она проводила Дейла, прошла по магазинам и пообедала с Хильдой. А потом душный поезд повез ее в Маунтсфорд. Лайл до последнего тянула с отъездом, долго укладывала платье.

Она представила себя в серебристом наряде и изумрудах, оставшихся от матери. Обычно изумруды придают глазам зеленоватый оттенок, но ее глаза никогда не меняли цвет. Было в ней что-то неподвластное обстоятельствам. Этого не одолеть даже Дейлу. Даже если Дейл задумал ее убить.

Нет, о Дейле тоже нельзя думать. Ужин удался на славу. Болтовня мистера Крейна, которого нимало не заботило, смеются ли гости над его шотландскими анекдотами. Толпа незнакомых людей. Толстяк, который зазывал ее посмотреть на розы при лунном свете, а когда она заметила, что ночь нынче безлунная, усмехнулся: «Тем лучше». Бридж, наводящий тоску. Наконец она оказалась в постели; ей снился Дейл. Он смотрел на нее, смеялся, они целовались... Нет, нельзя о нем думать.

Но мысли упрямо возвращались к Дейлу.

Превосходное утро, дымка над морем почти рассеялась, обнажив яркую синеву. Лайл стоит, скрытая изгородью, солнце припекает спину.

«Несчастный случай был ему на руку...»

Мисс Сильвер отложила вязанье и вновь взялась за журнал. Фотография в полный рост привлекла ее внимание еще раньше. Красавица в серебристом платье, внизу подпись курсивом: «Очаровательная миссис Дейл Джернинхем в своем элегантном наряде». Вокруг извивались строчки разной длины. Письмо, начинавшееся обращением «Дорогая читательница», заканчивалось подписью «Искренне ваша» и большим вопросительным знаком. Автор письма знал или слишком много, или, напротив, ничтожно мало. Анонимность давала ему возможность не стесняться в выражениях. После первого упоминания мистера Дейла Джернинхема автор панибратски звал его не иначе как Дейлом:

«Счастличик, которому повезло не только владеть Тэнфилд-Кортом (чтобы содержать поместье, требуется целое состояние), но и заполучить двух богатеньких женушек – нет-нет, не сразу, не подумайте превратно. Везунчик Дейл овдовел на удивление рано. Его первый трофей, несчастная Лидия Берроуз, погибла при восхождении на гору в Швейцарии. Богата ли нынешняя миссис Джернингхем, урожденная Лайл ван Декен? Помилуйте, а вы как думали? А еще она хороша собой – в жизни даже красивее, чем на фотографии. От американского папаши ей достался изрядный капиталец, а от скандинавской бабки – неправдоподобно прекрасные платиновые локоны. Можете не сомневаться...»

Мисс Сильвер возмущенно поджала губки. Что за невыносимая вульгарность! Куда катится пресса! Пожилая дама посмотрела на Лайл: та откинулась на сиденье, но не спала, поглощенная горькими мыслями. Костяшки стиснутых пальцев побелели.

Поезд начал замедлять ход. Лайл открыла глаза и встретила внимательный взгляд мисс Сильвер. Они долго смотрели друг на друга, затем веки Лайл снова закрылись.

Мисс Сильвер расстегнула сумочку и вытащила аккуратную карточку, на которой значилось:

«Мисс Мод Сильвер
Частные расследования
Монтегю-Мэншнс, 16
Уэст-Лиам-стрит, Ю.З.».

Затем решительно захлопнула сумочку, и в этот момент поезд вполз под вокзальные своды. Носильщик распахнул дверцу. Почтенная мамаша в сопровождении отпрысков выплыла из купе. Миссис Дейл Джернингхем встала, собираясь последовать за ними.

Однако не успела она ступить по платформе и нескольких шагов, как почувствовала на локте чьи-то пальцы. Низенькая полноватая дама, с которой она разговаривала в купе, шла рядом. Лайл уж не помнила, о чем они говорили, и не горела желанием продолжить беседу. Она рассеянно приняла и сунула в сумку аккуратную карточку. Заботливый голос гувернантки отчетливо произнес:

– Если понадобится помощь, здесь мое имя и адрес.

Чужие пальцы больше не сжимали ее локоть. Лайл не оглядываясь поспешила к турникету.

Глава 4

Солнце заливало теннисные корты Тэнфилд-Корта. Всего в поместье их было три: два покрытых превосходным дерном и один травяной. Заросли граба, падуба и боярышника почти закрывали их от солнца, делая невидимой для игроков громаду дома, – из листвы торчали лишь башенки по обеим сторонам фасада.

На дальнем травяном корте Алисия Стейн и Рейф Джернинхем яростно сражались за каждый сет. Мяч, задев сетку, упал на стороне Рейфа; тот после отчаянного броска растянулся на газоне. Алисия подбросила ракетку в воздух.

– Игре конец! – звонко воскликнула она.

Рейф встал с травы, посмотрел на смеющуюся Алисию. Она была невысокой и худенькой, словно дитя; черные кудряшки волос, смуглое своенравное лицо. Сияя крепкими белоснежными зубами, раскрасневшаяся Алисия обошла сетку, размахивая ракеткой.

– Сам видишь, ты обречен мне проигрывать! – Она капризно сложила губки, посылая Рейфу воздушный поцелуй. – А знаешь почему? Просто я лучше играю и никогда не выхожу из себя.

Рейф расхохотался. Смуглый, как Алисия, невысокий и худощавый, он был очень красив, слегка на цыганский лад. Тонкие черные брови элегантно изгибались, загорелые, тонко очерченные уши слегка заострились на концах, как у фавна. Сходство было неслучайным – Рейф с Алисией унаследовали внешность и белоснежные зубы от бабушки.

Сверкнув улыбкой, Рейф заметил:

– Я тоже никогда не выхожу из себя.

– Так уж и никогда?

– Никогда.

– Даже про себя? Мужчины не терпят поражений, особенно от женщин.

– Даже про себя.

Неожиданно Алисия отшвырнула ракетку.

– А вот я часто выхожу из себя, и меня не заботит чужое мнение. Только я приберегаю злость для чего-нибудь посерьезней игры.

– Например?

Алисия нахмурилась, но Рейф продолжал дразниться:

– Любишь, когда все идет по-твоему, даже в игре? А если нет – пиши пропало?

Алисия вспыхнула:

– Неправда!

– Неправда?

– Конечно, нет!

– Хотя надо признать, – улыбнулся Рейф, – верховодить – твоя стихия.

Румянец исчез со щек Алисии.

– Когда получается.

Она резко развернулась и пошла за ракеткой. Рейф смотрел ей вслед, насмешливо скривив тонкие губы. Его забавляло, что своенравная Алисия, привыкшая получать все, что пожелает, бессильна настоять на своем, когда дело касается его кузена Дейла. В девятнадцать она легко могла получить желаемое, но Дейл был беден, зато сэр Роуленд Стейн, напротив, богат. Бесприданница Алисия бросила Дейла и вышла за Стейна. Сама виновата, к тому же прошло десять лет, все давно быльем поросло.

Дейл женился на Лидии Берроуз под давлением обоих семейств, а когда унаследовал деньги Лидии, Алисия звалась леди Стейн. Это казалось Рейфу особенно забавным.

Что, если бы Роуленд попал в аварию на пару месяцев раньше? Когда в газетах появился некролог, помолвка Дейла с Лайл ван Декен уже состоялась. Свадьбу сыграли прежде, чем Алисия получила вожаделенную свободу.

Она вернулась, размахивая ракеткой и сверкая глазами.

– Не смотри на меня так! Ненавижу тебя!

Улыбка Рейфа стала еще шире.

– Ты не похожа на безутешную вдову.

Алисия расхохоталась.

– Думаешь, мне пошел бы траур?

– Ты нравишься мне какая есть.

– Не верю.

– Да я тебя просто обожаю!

Алисия покачала головой.

– Ты никого не любишь, кроме себя и Тэнфилда. И Дейла. А вот Лайл терпеть не можешь.

Что до меня, то иногда мне кажется, меня ты просто ненавидишь.

Рейф обнял кузину за талию, приблизил губы к ее уху и страстно прошептал:

– Ты сама не веришь ни одному своему слову!

– Напротив!

Рейф прижался щекой к ее щеке.

– Ах, моя дорогая!

– Похоже, ты и впрямь меня ненавидишь.

– Особенно сейчас, когда сжимаю в объятиях.

Отпрянув, Алисия тут же залилась смехом.

– Ты только притворяешься, будто за мной ухлестываешь. А я возьму и упаду в твои объятия!

– Я не возражаю.

– А сплетен не боишься? – Алисия снова рассмеялась. – Дурачок ты, Рейф. Когда-нибудь влюбишься всерьез, и тебе станет не до шуток.

На его лице появилось странное выражение.

– Что ж, готов начать прямо сейчас. Кстати, с чего ты решила, будто я терпеть не могу Лайл?

– Потому что это правда, – дразнясь, протянула она.

Рейф нахмурился.

– Нет, ты ошибаешься, я без ума от Лайл. Я принял бы любую избранницу Дейла, но Лайл такая душка! И как раз в моем вкусе – я падок на высоких блондинок. С чего бы мне ее не любить?

– Потому что она не любит Тэнфилд.

Рейф рассмеялся.

– Кто ж его любит? Эдакую обузу.

Алисия кивнула.

– Ты не любишь Тэнфилд, ты его обожаешь.

Он покачал головой.

– В детстве обожал, не спорю. Дети без ума от сказочных замков. Но с годами умнееешь, становишься практичнее. Содержать в наши дни такое поместье – верное разорение. Стоит бросить беглый взгляд на семейную историю, чтобы в этом убедиться. Пятеро из семи последних Джернингхемов женились на богатых наследниках, а что толку? У меня нет ни пенса. Дейл давно сидел бы на мели, если бы не наследство Лидии. Тэнфилд поглотил и его, а теперь разевает пасть, зарясь на деньги Лайл.

– Она ненавидит это место. Больше всего на свете ей хотелось бы от него избавиться.

– Мне тоже. Это единственный выход. Мэнор гораздо удобнее и во сто крат красивее. Обладая Дейл хоть каплей здравого смысла, давно принял бы предложение Тэтема – не станет же тот ждать всю жизнь! Беда в том, что здравый смысл отказывает Дейлу, когда речь заходит о Тэнфилде. Наше семейство живет здесь последние пятьсот лет, и Дейл одержим мыслью, что следующие пятьсот поместье останется в руках Джернинхемов. Ради этого он пойдет на все.

Алисия с удивлением смотрела на Рейфа. Все его легкомыслие как рукой сняло. Против воли Алисия была слегка озадачена.

Она обернулась лицом к дому. Солнце отражалось в окнах башенок. Остальное Алисия дорисовала в своем воображении: длинный фасад с портиком постройки восемнадцатого века, два крыла, окружавшие мощный дворик, в котором каменные львы охраняли бассейн с фонтаном и лилиями.

– Послушать тебя, так это не дом, а колесница Джаггернаута.

Рейф Джернинхем натянуто рассмеялся.

– Колесница Джаггернаута давила своих почитателей, дорогая моя. Надеюсь, Тэнфилд-Корт будет стоять где стоит.

Глава 5

Две парадные гостиные Тэнфилд-Корта выходили на низкую террасу, широкие ступени которой спускались к знаменитому итальянскому дворику. Лайл Джернингхем ненавидела эти два акра арабесок и геометрических узоров, бездушных, утыканных кипарисами и статуями, засаженных цветами, такими ухоженными, что казались искусственными. За пределами двора природа брала свое: поначалу укрощенная в виде дерна и подстриженных деревьев, но чем дальше, тем гуще становились кусты и раскидистей ветви. Дед нынешнего хозяина поместья любил деревья – собственноручно посаженные им буки, платаны, дубы и клены разрастались год от года. Прижились в усадьбе и кипарисы с золотистыми кончиками ветвей, и темно-изумрудные кедры, и редкие гималайские деодары.

Гуляя по хвойной аллее, Лайл ждала возвращения мужа. Страхи остались в прошлом, румянец снова играл на щеках. Лайл нашла в себе мужество с легкостью думать о вчерашних переживаниях. Она вспоминала о своем поведении с изрядной долей стыда. Дейл отослал ее к Крейнам на выходные, а она переночевала в гостях и вернулась. Теперь муж рассердится и потребует объяснений.

Лайл бродила между деревьями, раздумывая над тем, что скажет Дейлу. Проще всего солгать, что почувствовала недомогание. Рейф и Алисия, испуганные вчерашней бледностью Лайл, подтвердят ее слова. Но Лайл не привыкла к вранью. Ложь была ей отвратительна, а лгать Дейлу противно вдвойне. А значит, придется говорить правду. Немыслимо!

«Я слышала из-за изгороди разговор двух незнакомых женщин. Они сказали, что Лидия погибла, потому что тебе были нужны ее деньги, и что я буду следующей».

Она вздрогнула, вспомнив, как холодная вода поднималась все выше и выше, заливая подбородок, губы, глаза. Это случилось совсем недавно, десять дней назад!

Лайл вышла на поляну, подставив лицо солнечным лучам. Нет, она никогда не солжет Дейлу, но и правды не скажет.

Она обернулась навстречу мужу – и в тот же миг все страхи вылетели из головы. С самой первой встречи вид Дейла заставлял сердце Лайл трепетать. Походка, наклон головы, уверенный голос, улыбка, которую муж приберегал для нее одной. Глаза у Дейла были светлее, чем у кузена, а кожа бледнее, чем у Рейфа и Алисии. Те отличались изящным сложением – Дейл был крепок и статен. Когда он обнимал ее, Лайл ощущала себя хрупкой и беззащитной, но до сих пор его объятия рождали не страх, а радостную дрожь.

Он поцеловал ее, и Лайл ответила на поцелуй, ощутив незнакомый холодок, и с облегчением отстранилась, ловя ртом воздух.

– Дейл, я не могла там больше оставаться...

– Я вижу.

Не сердится. Пока не сердится. Если она найдет верные слова, все обойдется, но она способна только беспомощно лепетать...

– Мне так захотелось домой...

Рука Дейла легла на плечо, придавила своей тяжестью.

– Почему?

– Дейл...

Лайл хотела спрятать лицо, но он развернул ее к себе и строго спросил:

– Что происходит? Вечером я позвонил Крейнам. Мэриан сказала, что ты уехала утром, получила какую-то телеграмму. Ты говорила ей про телеграмму?

– Да.

– Что за телеграмма?

– Дейл, ничего я не получала...

Нет, она не станет ему лгать.

– Тогда почему ты вернулась?

Впервые с начала разговора Лайл осмелилась поднять глаза на мужа. В них застыли решимость и грусть.

– Я не хочу об этом говорить.

– Что за глупости! Рассказывай!

– Дейл...

– Да что с тобой происходит? Крейны – мои друзья. Ты собиралась гостить у них все выходные, а вернулась наутро. Объяснись, пожалуйста. Вы с Мэриан поссорились?

От облегчения щеки Лайл порозовели.

– Нет! Ты же знаешь, я не люблю ссор.

Она отстранилась – и он отпустил ее.

– Мне нечего делить с миссис Крейн. После завтрака я вышла в сад и случайно услышала разговор двух женщин. Я их не узнала, гостей был полон дом...

– О чем шла речь? – небрежно спросил Дейл.

Лайл охватило болезненное любопытство: что он ответит, если она осмелится? Но она никогда не осмелится, от одной мысли перехватывает дыхание...

– Я их не узнала...

– Ты повторяешься. Я хочу знать, что именно они сказали.

О Господи, чего она мнется? Наверняка все эти страдания из-за того, что ей нашептали какие-нибудь глупости про него и Мэриан. Дейл не отличался мягким нравом. И то, что она раздувает из мухи слона, злило его. Увидев, как темнеет лицо мужа, Лайл поспешно ответила:

– Я понимаю, это глупо, но я не хотела с ними разговаривать, не хотела их знать. Пойми же, Дейл! Они говорили ужасные вещи, и я не хотела с ними... с ними общаться, а если бы я осталась, мне пришлось бы, ведь я запомнила их голоса! Неужели ты не понимаешь?

Дейл нахмурился.

– Пока нет, но надеюсь понять. Ты так и не ответила, о чем именно они говорили. Их речи так повлияли на тебя, что ты не постеснялась обидеть моих друзей. Поэтому я жду ответа: что они сказали?

Лайл побледнела.

– Они говорили о Лидии. Дейл, пожалуйста, не злись! Меня так потрясли их слова, что я не смогла там остаться!

– О Лидии? – удивился Дейл. – Так вот оно что. А при чем тут Лидия? Какая-то бессмыслица! Что они сказали?

– Они сказали, – неожиданно севшим голосом пролепетала она, – что с ней произошел несчастный случай...

Глаза мужа сверлили ее из-под насупленных бровей.

– Тоже мне новость!

Рука Лайл взлетела к лицу.

– Не новость, но они сказали...

Где та граница, которую она так боится переступить? Дейл ждал, и Лайл выдавила:

– Что несчастный случай был тебе на руку...

Лайл не могла смотреть на Дейла – глаза слепило от слез. Сердце колотилось в горле.

На мгновение стало очень тихо. Тишину нарушил спокойный голос Дейла:

– И это все? Старая история. Я думал, с ней давно покончено. И незачем было нестись оттуда сломя голову.

Лайл посмотрела на мужа и испугалась. Ей и раньше случалось видеть Дейла в гневе, но сейчас к гневу примешивалось ледяное презрение. Неужели оно адресовано ей? Ей, поверившей клевете и позорно бежавшей из дома его друзей! Хорошо хоть он не пытается вывести

остальное! Ей пришлось бы рассказать ему все без утайки. Если Дейл узнает настоящую причину ее побега, между ними все будет кончено.

Дейл отошел от нее, но сразу же вернулся.

– Тебе следует научиться владеть собой, – ровно сказал он. – Глупо терять над собой контроль всякий раз, когда кто-то скажет тебе гадость. Люди порой и сами не верят своим ядовитым речам, но их яд все равно отравляет. Нельзя всю жизнь шарахаться от того, что тебе не по нраву, иначе нам придется коротать жизнь в одиночестве. Надеюсь, Мэриан не затаила зла, но тебе придется сочинить причину убедительнее, чем телеграмма. Я жалею, что позвонил, ты могла бы соврать, что телеграмма от мужа, или предоставить отдуваться мне. Похоже, вранье не твой конек.

Лайл подняла глаза, но, несмотря на беспечный тон, взгляд мужа был мрачен и тверд.

– Я два дня провел в разъездах. Мне нужно размяться. – Не сказав больше ни слова, он пошел прочь по аллее.

Глава 6

Лайл спустилась к морю. Она не любила Тэнфилд, но ей нравились скалы у берега. От хвойной аллеи к морю вела тропинка. Деревья расступались, открывая взгляду бухту. Волны плескались на мелководье, подчиняясь капризам солнца и облаков.

Уже полвека назад обрыв вызывал опасения, и хотя до воды было всего пятнадцать – двадцать футов, отец Дейла огородил его низкой каменной стеной. Через проем в стене на пляж вела лестница.

Лайл присела на стену и загляделась на море. Вечернее солнце клонилось за Тэйн-Хед. Пройдет совсем немного времени, и солнце сядет, а тень от скалы, словно след от пролитых чернил, протянется к подножию обрыва, но сейчас вода была чиста и прозрачна, а тень залегла у дальнего конца бухты.

День выдался жаркий, однако с моря дул свежий бриз. Лайл поежилась в своем зеленом льняном платье, но вскоре мысли о разговоре с мужем заставили забыть про холод. Дейл рассердился. Она знала, что он рассердится. Даже если бы она рассказала ему все без утайки, Дейл все равно упрекнул бы ее за побег, дав в полной мере ощутить свой гнев и презрение. Презрение ранило больше всего. Если Дейл будет ее презирать, она и сама станет себе противна. Почему она не осталась у Крейнов и не ответила на клевету? Глаза медленно наполнялись слезами. Лайл терзал стыд, но сильнее всего был страх, затаившийся в самой глубине души.

Время шло. Чернильная тень успела подползти к берегу, прозрачная синева воды на глазах посерела. Лайл не слышала шагов. Человек, подошедший сзади, медлил, словно не решался позвать ее. Лайл обернулась и увидела Рейфа.

Поверх белой тенниски он набросил свитер. Рейф протянул ей бежевый жакет в яркую красно-зеленую клетку.

– Твой? Ты сумасшедшая. Вчера еле держалась на ногах, а сегодня сидишь на самом ветру!

– Я не замерзла, – сказала Лайл, дрожа как осиновый лист.

Рейф соорудил забавную гримаску:

– Хочешь заболеть? А ну-ка надевай жакет. Что с тобой происходит?

– Ничего.

Лайл быстро запахнула теплый жакет – уютные квадратики словно излучали тепло. Дейлу нравились яркие цвета, и Лайл купила этот жакет ради него. Купила скрепя сердце, ей шли пастельные тона. Впрочем, сейчас жакет пришелся весьма кстати. Лайл машинально застегнулась на все пуговицы.

Рейф заставил ее снова присесть на стену, а сам сел рядом, спиной к Тэйн-Хед. Глаза Рейфа блестели, ветер лохматил волосы.

– Ну, рассказывай, детка, что приключилось.

– Ничего.

– Очередная буря в стакане воды? Не волнуйся, детка... – Рейф пропел приглушенным тенорком: – «*Car ici-bas tout passe, tout lasse, tout casse...*»³ У меня в запасе уйма сопливых песенок. Выкладывай, что тебя гнетет. Вчера явилась домой бледная, краше в гроб кладут, и только твое милое личико начало розоветь, как вернулся красавчик Дейл и ты снова раскисла. Что случилось?

– Ничего.

– Перестань! – Рейф схватил ладони Лайл и потряс ими. – Хватит тарашиться на меня, как затравленный зверек. Лучше расскажи, что ты натворила у Крейнов.

³ Ибо в мире все непрочно, все прискучит, все пройдет (*фр.*).

– Рейф, я правда...

– Правда. И ничего, кроме правды. Поделись со мной правдой – и тебе станет легче. Какая-нибудь досужая сплетница сболтнула, что Дейл был любовником Мэриан? – В глазах Рейфа зажегся опасный огонек. – Это полная ерунда, но ты покорно проглотила наживку и примчалась домой, чтобы подать на развод?

Если Рейф хотел растормошить Лайл, то у него получилось. Она вырвала руки и громко возмутилась:

– Ничего подобного!

– Тогда что? Я жду объяснений, прелесть моя.

– Рейф, не валяй дурака!

– Ты действительно прелесть, – промурлыкал Рейф, – когда сама хочешь, а еще когда счастлива. Поэтому мне невыносимо видеть тебя несчастной.

– Рейф, прекрати!

– Для тебя это новость? Меня нелегко раскусить, я умею притворяться. Алисия считает, я терпеть тебя не могу. Разве это не доказательство моей поразительной скрытности?

Лайл напряженно рассмеялась.

– Ты невыносимый болтун!

– Поэтому можешь спокойно мне довериться. Кто послушает болтуна?

– Мне нечего рассказать.

Рейф улыбнулся.

– Придется спросить у Дейла, хотя я предпочел бы услышать все от тебя.

– Рейф, ты зря тратишь время.

– Я? Зря трачу время, прелесть моя? Ты меня недооцениваешь.

– Рейф, мне нечего тебе рассказать! Прошу, не трогай Дейла, это касается Лидии.

Рейф тихо присвистнул:

– Ого! Сколько можно?

– О чем ты?

– Да так, ни о чем.

Опершись руками о камень, Лайл подалась вперед. Солнце позолотило ее светлые волосы.

– Рейф, расскажи о Лидии. Мне проще спросить у тебя, чем у Дейла.

Смех Рейфа унес порыв ветра.

– Всегда пожалуйста, детка. Лидия не совершила ничего выдающегося, да и прожила недолго, так что рассказ будет коротким.

– Ты хорошо ее знал?

– Еще бы. Я был смышленным сироткой. Мы с Дейлом росли вместе и знали Лидию с детства. Ее отец заработал состояние на торговле дешевыми горшками и сковородками, а тетка была замужем за владельцем Тэллинфорда, еще до старых Моссбагов. Лидия с матерью часто у нас гостили, и у обоих семейств родился план поженить своих отпрысков. Дейлу было только двадцать, но он всегда выглядел старше, а Лидии к тому времени стукнуло двадцать пять. У него был Тэнфилд, у нее – горшки с наличностью. Родственники не могли надышаться на юную парочку.

Глава 7

– Почему Дейл на ней женился? – вырвалось у Лайл, сгоравшей от любопытства. Крохотный портрет Лидии висел в конце длинной галереи. Хмурая бледная женщина в скучном блеклом платье. Почему он на ней женился? Красавчик Дейл!

Лайл жадно всматривалась в Рейфа.

– Не догадываешься? Ей повезло перехватить Дейла на распутье – после того как Алисия дала ему отставку и вышла за Роуланда.

Лайл пронзила дрожь. Неужели? Она выпрямилась, пальцы онемели от холодного камня.

Рейф рассмеялся.

– Ты не знала? Какой же Дейл болван! Если когда-нибудь – не дай Бог! – я женюсь, то весь медовый месяц посвящу рассказам о своих былых похождениях. Люди обожают рассказывать о себе, и я так утомлю свою жену, что до конца жизни ей и в голову не придет расспрашивать меня о прошлых романах. Разве не умно я придумал? Список Дейла подлиннее: он старше меня на два года, и девушки всегда вешались ему на шею. Хотя я гораздо привлекательнее, не находишь? Бессердечный Дейл порой и не замечал страданий своих жертв. Он не рассказывал про австралийскую вдовушку, запустившую кувшином ему в голову? Нет? Пикантная история...

– Не болтай глупости, – поморщилась Лайл, овладевшая собой.

– Она же не моя вдова! Я от таких р-р-р-роковых кр-р-расоток держусь подальше. – Рейф принял трагическую позу.

Однако Лайл не поддержала шутки.

– Расскажи о Лидии, о том несчастном случае. Я боюсь спросить Дейла; болтают разное, и порой я чувствую себя полной дурой.

– Говоришь, болтают? – усмехнулся Рейф. – И будут болтать, всем рот не заткнешь. Куда дальновиднее изображать недалекую новобрачную.

– Перестань, Рейф!

– Весьма разумная линия поведения, и большого ума не требует. А знаешь, детка, в тебе и впрямь много невинности: «Ах, не троньте меня, я бедная заблудшая овечка!» Лучшее оружие против злых языков. Так что советую тебе придерживаться этой линии.

– Рейф, перестань молоть чепуху и расскажи мне обо всем.

– О чем именно?

Лайл в волнении сжала руки.

– О несчастном случае с Лидией.

– Детка, тут не о чем рассказывать, – серьезно ответил Рейф.

– Я хочу знать подробности. Кто стоял рядом, сколько вас было?

– Целая компания, но толком никто ничего не знает. Сплошные вопросы без ответов. – Рейф пожал плечами. – Не стоит расспрашивать об этом Дейла.

– Я и не собираюсь! – возмутилась Лайл. – Я спросила тебя! А ты только и знаешь, что дурачиться и увильнуть от ответа. Но я не отступлюсь.

– Ах какой напор! – проворковал Рейф. – Говори же, невинное дитя, что хочешь знать?

– Кто там был? Что за компания?

– Дейл, Лидия, Алисия, Роулэнд Стейн, пара по фамилии Мэллем и я. Лидия умерла. Роулэнд и Мэллем тоже скончались. Остаются Дейл, Алисия, вдова Мэллеме и я. Не хочешь посекретничать с Алисией? Она это любит.

– Предпочитаю услышать историю от тебя.

Рейф нелепо взмахнул рукой.

– Но я уже все сказал! Лидия упала с обрыва и убила насмерть.

– Насмерть, – дрожащим голосом повторила Лайл. – Она занималась скалолазанием?

– Лидия? Скалолазанием? Нет! Присяжные отправили бы на виселицу негодяя, заставившего Лидию лазать по скалам. Мы не спускали с нее глаз, даже когда она карабкалась на холм размером с муравейник, и поклялись страшной клятвой не позволять ей сходить с тропы.

– Как же она умудрилась разбиться?

– Упала с тропы, – просто ответил Рейф.

Лайл не отрывала от него глаз. Одно слово рвалось наружу, застревая в горле.

– Как?

– Непонятно. Компания разбрелась кто куда, и никто не видел, как именно она оступилась. Тропа там широкая и извилистая – сверху гора, снизу обрыв, кругом цветы. Дамы собирали букеты. Возможно, Лидия потянулась за цветком и потеряла равновесие. Закружилась голова, поскользнулась? Все слышали крик. Когда я прибежал на место трагедии, Дейл стоял над обрывом, Алисия рыдала в стороне, а Мэллемы спешили назад по тропе. – Рейф снова вздрогнул. – Теперь ты знаешь все. А не вдова ли Мэллема вчера на тебя наслеза? Дейл обмолвился, что Мэриан Крейн ее тоже пригласила. – Он язвительно рассмеялся. – Наверное, поэтому Дейл и придумывал себе срочное дело в Бирмингеме.

– О чем ты, Рейф?

– Ты же ее видела.

– Нет, только слышала! Нас разделяла живая изгородь. Она говорила ужасные вещи про Дейла.

– Ничуть не удивлен. А голос у нее такой, словно оса жужжит в бочонке с патокой, – протяжный, язвительный.

Сравнение было настолько точным, что Лайл едва не улыбнулась.

– А ты не так прост, Рейф.

– Неужто ты во мне сомневалась? «Будь добродетельна, а ум оставь другим»⁴. Весьма подходящая к случаю цитата, не находишь?

Лайл похолодела, вспомнив попутчицу, которая цитировала Теннисона, – мисс Мод Сильвер, частные расследования.

– На твоём месте, – заметил Рейф, – я не стал бы расстраиваться из-за Эйми Мэллем. Вот тебе еще одна подходящая к случаю цитата: «Ад не вместит всю отвергнутой женщины злобу»⁵. Она вцепилась в Дейла как утопающая, а он никак не хотел взять в толк, чего ей нужно, вот она до сих пор и бесится, не может ему простить.

Рейф помог Лайл спрыгнуть со стены.

– Пошли домой, холодает. Дейл решит, что я тебя украл.

Они вошли в огромный квадратный холл, особенно нелюбимый Лайл. В середине восемнадцатого века владелец особняка, вернувшись из европейского вояжа, превратил прелестный елизаветинский холл с дубовыми лестницами и теплыми светлыми панелями в вычурный склеп с ледяным мраморным полом и заставил его хмурыми неприветливыми статуями. Черно-белые ступени поднимались к площадке, где стояла устрашающего вида скульптурная группа «Актеон, терзаемый гончими». Дальше ступени расходились, ведя на галереи, которые тянулись вдоль трех стен. Здесь статуй было еще больше: безголовая Медуза, Нерон, Лаокоон, умирающий гладиатор. Судя по всему, в интерьере отразилась болезненная тяга мистера Огастеса Джернингема ко всему макабрическому.

Навстречу ей по лестнице спускалась Алисия. Она успела переодеться в белое шифоновое платье с широкой, присборенной на поясе юбкой. Если бы не черная траурная ленточка, ее

⁴ Чарлз Кингсли, «Прощание».

⁵ Уильям Конгрив, «Невеста в трауре».

можно было принять за восемнадцатилетнюю дебютантку. Свои темные кудри Алисия убрала в скромный пучок. Улыбнувшись Лайл, она молча спустилась в холл.

Лайл миновала оскаленные морды гончих, искаженное страданием лицо Актеона и свернула направо. Вспомнив улыбку Алисии, Лайл поняла, что больше всего на свете ей хочется надеть свой лучший наряд и до блеска расчесать волосы. Скинув радужный жакет и переодевшись в светло-зеленое платье, она почувствовала себя лучше. От ярких цветов волосы Лайл тускнели, а лицо казалось осунувшимся.

«И как только мне взбрело в голову его купить?» – подумала Лайл и услышала голос мужа. Он звал ее по имени.

Значит, Дейл больше не сердится! Не помня себя от радости, Лайл выбежала из спальни. В соседней комнате его не оказалось. Лайл вышла на галерею и, перегнувшись через балюстраду, увидела внизу Рейфа с кузиной. До нее долетел отчетливый голос Алисии:

– Что за безвкусный жакет! Хоть бы Дейл научил ее одеваться.

Уязвленная, Лайл отпрянула от перил. Внезапно в конце галереи появился Дейл. Должно быть, он поднимался по лестнице, скрытый статуями.

Подойдя к ней, Дейл спросил, слегка хмурясь:

– Где ты была?

– Сидела у моря. Рейф принес мне жакет.

Снова этот жакет! Теперь она его ненавидела.

Немедленно от него избавиться, кому-нибудь подарить! И тогда она сможет при случае небрежно заметить в духе Алисии: «Жакет? Нелепая вещь, я давно от него избавилась. Не возьму в толк, что заставило меня его купить».

– Не копайся, Алисия уже спустилась, – строго сказал Дейл.

Он по-прежнему злился. Сердце Лайл упало. Она понуро вошла в спальню и закрыла за собой дверь.

Глава 8

Недавно Лайл Джернинхем и представить не могла, что придут такие времена. Хорошими считались дни, когда Дейл на нее не сердился. Терпимыми, когда раздражался лишь немного. Плохими, когда муж без устали разглагольствовал о Тэнфилде и поколениях Джернинхемов, живших тут до них. И ужасными, когда он уговаривал Лайл уломать поверенного мистера Робсона потратить часть ее капитала на то, чтобы оставить поместье во владении семьи.

Когда-то все дни были хорошими, но после того как Лайл неосторожно призналась мужу, что Тэнфилд пугает ее до дрожи, хороших дней становилось все меньше, а плохие выдавались все чаще.

Лайл стремилась угождать Дейлу во всем, и порой тучи рассеивались. Неделя перед поездкой к Крейнам запомнилась Лайл как абсолютно счастливое время.

Лежа в кровати, Лайл вспоминала те дни, стараясь не думать о том, что Дейл стал нежен и предупредителен, когда она составила новое завещание. Да и к чему об этом думать? Она переписала завещание, чтобы порадовать мужа. Других родственников у нее нет.

– Ваш отец предоставил вам право распоряжаться деньгами по своему усмотрению, миссис Джернинхем. Если у вас не будет детей, вы вольны оставить все состояние мужу. Если дети появятся, можете доверить ему пожизненное право владения половиной наследства. Или оставить любое другое распоряжение. Я выразился достаточно ясно?

– Да, мистер Робсон.

Поверх головы старика Дейл послал Лайл лучезарную улыбку, растопившую ее сердце.

– Я хочу оставить все деньги мужу, – услышала Лайл свой запинаящийся голос.

Счастье длилось целую неделю. Когда Лайл оглядывалась назад, те дни представлялись ей цветущим садом. Даже несчастный случай на пляже не мог разрушить чар. Ей запомнились руки Дейла, крепко сжимавшие ее, когда она открыла глаза, и его прерывистые возгласы: «Лайл, Лайл, о, Лайл!»

Страхи и сомнения, которыми она поделилась с мисс Сильвер, рассеялись как туман.

Если бы не позорное бегство от Крейнов! Дейл встретил ее поцелуем, но когда узнал о ее поступке, снова замкнулся в себе. За ужином муж ни разу не посмотрел на Лайл, хотя весь вечер шутил и смеялся с Рейфом и Алисией. Когда они поднялись наверх, он сухо пожелал ей спокойной ночи и заперся у себя.

Лайл лежала в резной кровати с пологом и всматривалась во тьму. Кровать напоминала ей катафалк. Лайл терпеть ее не могла, но когда Дейл был нежен, она забывала страхи. Сегодня одинокой и несчастной Лайл казалось, что громоздкая кровать принадлежит не ей, а поколениям Джернинхемов, которые рождались, женились и умирали в этом доме во времена, когда Лайл ван Декен не было и в помине.

Прямоугольник лунного света, лившегося из незашторенного окна, медленно крался к порогу. Если дверь откроется, луч скользнет в соседнюю комнату... но дверь не откроется, Дейл не придет. Он сухо пожелал ей спокойной ночи и оставил в одиночестве на громадной кровати.

Лайл лежала неподвижно, погрузившись в дрему. Луна ушла, и спальню окутал мрак. Около полуночи ее сморил сон.

Дейл в соседней комнате неожиданно проснулся. Обычно он засыпал, стоило голове коснуться подушки, и просыпался не раньше семи. Но сегодня что-то его разбудило. Дейл привстал на локте, прислушался, отбросил одеяло и босыми ногами подошел к соседней двери. Открыв ее, Дейл остановился на пороге. Сквозь незашторенное окно пробивался неверный лунный свет. Массивная кровать темнела в углу словно остров посреди туманного океана. Оттуда доносился жалобный голосок Лайл, звавший его по имени:

– Дейл, Дейл, нет...

Он осторожно прикрыл за собой дверь, подошел к кровати и встал между черными столбиками. В темноте белел смутный силуэт Лайл, слышалось прерывистое бормотание:

– Не нужна мне ваша карточка, я не нуждаюсь в ваших услугах. Не понимаю, как я... потому что Дейл... Дейл никогда бы... Нет, ни за что... Как вы не видите? Это не Дейл, только не Дейл. Я взяла вашу карточку, но не думайте, что я воспользуюсь ею, нет, ни за что!

Лайл вытянула руки, словно пыталась что-то нащупать.

– Она сказала... повезло Дейлу...

Голос задрожал. Лайл откинулась на подушки, судорожно вздохнула, снова вскочила, вырываясь из невидимых пут.

– Несчастный случай... со мной... Она сказала... со мной... как с Лидией... Нет, это не Дейл...

Возгласы перешли в неразборчивое бормотание.

– Нет, нет, это не Дейл, это не может быть Дейл...

Он прислушивался еще некоторое время, а когда Лайл затихла, подошел к комоду и выдвинул верхний правый ящик, где Лайл хранила коллекцию сумочек. В тот день жена вышла в сером – значит, сумочка тоже серая.

Дейл перенес ящик в свою спальню, поставил на кровать и включил свет. Серая сумочка лежала в самом углу. Носовой платок, помада, румяна, пудра, ключи; во внутреннем кармашке – его фотография и карточка. Имя на карточке ни о чем не сказало Дейлу.

«Мисс Мод Сильвер

Частные расследования

Монтегю-Мэншнс, 16

Уэст-Лиам-стрит, Ю.З.».

В спальне Лайл воцарилась тишина. Задвинув ящик, Дейл постоял, прислушиваясь, затем подошел к кровати. Лайл застонала и шевельнулась. Ощувив в темноте чье-то молчаливое присутствие, в первое мгновение она испугалась, но Дейл произнес ее имя, и страх уступил место радости.

– Ты напугал меня, милый, – сонно пробормотала Лайл.

Дейл опустился на колени и обнял ее.

– Это ты меня напугала. Ты разговаривала во сне. Приснился кошмар?

– Да, но теперь это не важно.

Рядом с ним ей все было нипочем.

Когда Лайл проснулась, солнце било в окна. Дейл разливал чай. Какая бы кошка ни пробежала между ними вчера, сегодня все забылось. Дейл собирался на аэродром – он обожал полеты. Они болтали о самолетах, о том, как им повезло отдать пустошь под летное поле за хорошую цену. Впрочем, говорил по большей части Дейл; жена тихо радовалась его беззаботности и хорошему настроению.

– Что сказал бы отец, узнай он, что эта пустошь будет приносить прибыль! Войны не избежать, придется правительству выделять субсидии на пшеницу. Во времена моего деда можно было стоять спиной к морю, а впереди, на сколько хватало глаз, колосились поля. Забавно, если старые времена вернуться. Раньше на пшенице сколачивали состояния, но, боюсь, эти негодяи найдут способ урезать наши доходы.

Дейл сидел на кровати, волосы курчавились, глаза сияли. Пижама в сине-белую полоску оттеняла смуглую кожу, вырез открывал крепкую шею. Лайл с обожанием разглядывала своего героя. Она стыдилась примитивности своих чувств. Женщины всегда по нему сохли, но Дейл им не принадлежал, он был ее – и только ее – собственностью!

– О чем ты задумалась? – рассмеялся Дейл.

– О тебе, – ответила она, и Дейл обнял ее.

– Продолжай в том же духе, потому что нам предстоит важный разговор.

– О чем? – спросила Лайл.

– О Тэнфилде.

У Лайл защемило сердце.

Дейл слегка отстранился, чтобы видеть *ее* лицо, рука сползла на колено Лайл.

– Я должен ответить Тэтему.

– Понимаю... – пробормотала Лайл.

От решения Дейла зависела судьба их брака. Если он примет предложение мистера Тэтема, они будут жить долго и счастливо. Однако Дейл не смирится с потерей Тэнфилда. Со временем они превратятся в высохших стариков, волочащих неподъемную ношу на вершину крутой горы, – имение высосет из них все соки. Рука Лайл непроизвольно сжалась в кулак, словно хотела удержать что-то принадлежащее им обоим.

До сих пор любой разговор о Тэнфилде отдалял их друг от друга, но сегодня Дейл, хоть и выглядел решительно, не дулся и не хмурился.

– Цена хорошая, любой на моем месте согласился бы, но что мне чужие мнения? Ты моя жена, Лайл, и если у меня родится сын, ты будешь его матерью. Именно поэтому я пришел к тебе.

Голос Дейла дрогнул.

– Ты не представляешь, как это тяжело! Я выхожу из себя и говорю вещи, которые ранят и пугают тебя. Мы топчемся на месте. Но мы... мы должны попытаться... должны обсудить все спокойно, не ссорясь. Ты должна меня понять.

– Я попробую, – прошептала побледневшая Лайл.

Дейл отвернулся.

– Ты не любишь Тэнфилд. Нет, я не так хотел начать. Чертовски трудно заставить тебя понять! Я не могу найти верных слов, чтобы описать свои чувства. – Он заглянул ей в глаза. – Помоги мне, Лайл, постарайся понять.

– Я стараюсь, – отозвалась она.

– Начну еще раз. Наш род владеет Тэнфилдом так долго, что имение перестало быть нашим. Это как родина – не она принадлежит тебе, а ты ей. Посмотри на портреты в галерее. Все эти люди когда-то жили здесь, многие из них оставили след в истории. Они ушли, а Тэнфилд остался. Он останется, когда уйдем мы и наши сыновья. Неужели ты этого не понимаешь? Перед Тэнфилдом наша жизнь, как и жизнь наших детей, ничтожна. Мы уйдем, уйдут они, а Тэнфилд будет стоять.

Щеки Дейла покраснелись, глаза горели.

Лайл со страхом смотрела на мужа. Она обещала выслушать его, но чем больше она размышляла о словах Дейла, тем больше они ее пугали. Выходит, человеческие жизни – Дейла, ее, их будущих детей – ничего не значат по сравнению с бездушной громадой Тэнфилда, этой бездонной бочкой, куда уходили силы Джернингемов? Исповедь мужа ужаснула Лайл.

Дейл вскочил, подошел к окну, вернулся. Его взволнованный монолог явно не тронул жену. Бледная как смерть, Лайл затравленно смотрела на него.

– Прости, ничего не могу с собой поделать, – выдавила она.

– Разумеется, ведь ты не разделяешь моих чувств! Лайл, дорогая, разве ты не понимаешь? Бесполезно уговаривать мистера Робсона, пока ты сама не изменишь свои взгляды. Сколько бы ты ни умоляла его выделить капитал на содержание поместья, он не согласится. Робсон чувствует твоё отношение. Если ты не изменишь его, нам не видать этих денег.

Лайл затравленно смотрела на мужа.

– Я попрошу его, Дейл, обещаю.

– Ты уже не раз просила, а что толку? Лайл, ты должна сама захотеть спасти Тэнфилд. Робсона не перехитрить, и пока он не увидит, что это твое желание, ты его с места не сдвинешь.

Дейл отошел и встал у окна.

Лайл сидела прямо, не опираясь на подушки. Напряжение сковало ее: она пыталась прогнать страх, заставить себя хотеть того, чего так страстно желал Дейл. Ей удастся убедить мистера Робсона, только если ее просьба будет исходить от чистого сердца. Но как заставить себя полюбить то, что пугает до дрожи?

Мягкая и уступчивая по характеру, Лайл никому не позволяла вить из себя веревки. Она отдала бы все на свете, лишь бы Дейл был доволен и счастлив, но в глубине ее души жило непреклонное убеждение, что Тэнфилд выпьет их до дна и сведет в могилу. Тэнфилд – вот главное зло; Дейл лишь его орудие. Она снова пойдет к мистеру Робсону, и он снова ей не поверит, снова поймет, что она говорит с чужого голоса.

Если бы решение зависело только от нее, Лайл давно отдала бы деньги мужу. На миг она испытала злое удовлетворение, что это не в *ее* власти, и внезапно ей стало легче. Лайл перестала с собой бороться и откинулась на подушки.

Дейл отвернулся от окна и подошел к кровати.

– Лайл, дорогая, я совсем тебя замучил! Ты не разлюбила меня, нет? Вижу, что нет, хотя это странно. Обещаю больше не заговаривать на эту тему. Я еще раз все взвешу, и если пойму, что Тэнфилд не удержать, приму предложение Тэтема. Говорят, военное ведомство ищет площади в аренду. В любом случае до конца недели я что-нибудь решу.

Дейл обнял ее, прижался щекой к ее щеке.

– Сегодня я собираюсь полетать, черт, завтра тоже! Но я обязательно напишу Джарвису – пусть разнюхает, каковы наши шансы, – и тогда завтра после обеда – ты подбросишь меня до Ледлингтона? – сяду на поезд в три двадцать. Переговорю с Джарвисом, и если вести окажутся обнадеживающими, с утра отправлюсь в министерство авиации. Как тебе мой план?

Лайл с любовью смотрела на мужа. Сердце пело. Все снова налаживалось.

– План превосходный.

Дейл опустил голову на плечо жены.

– Ты только люби меня, Лайл.

Глава 9

Впоследствии, оглядываясь на тот день, Лайл представляла его светлым пятном посреди бесконечной тьмы, окошком, через которое в сумрак комнаты на миг проник солнечный луч. Но когда день был прожит, он стал одним из череды непримечательных дней, о которых нечего вспомнить. Безоблачное небо, яркое солнце, штиль на море: часы беззаботно бежали вперед, не принося ни радостей, ни огорчений. Дейл вернулся с аэродрома довольный и весь обед болтал про самолеты. Рейф появлялся только вечером, Алисия уехала, поэтому они обедали вдвоем. Потом Дейл учил ее плавать. Время пролетело незаметно, и ночью Лайл спала как убитая.

На следующее утро во время завтрака Алисию позвали к телефону. Рейф задумчиво курил сигарету. Он работал конструктором в самолето-строительной компании, пару лет назад купившей у Дейла участок земли под новый завод. Рейф не сводил глаз с циферблата, как обычно оттягивая время ухода на службу.

Алисия вошла в столовую с ухмылкой на губах, упала в кресло и сказала Дейлу:

– Звонила Эйми.

– Какая Эйми?

– А ты знаешь нескольких? Мне и одной многовато. Эйми Мэллем, дорогой. Она гостит у Кроуфордов и хотела с нами пообедать.

– Как мило, – заметил Рейф. – Я в отчаянии, что придется лишиться такого удовольствия. Зато тебе больше достанется. – Он с неохотой встал и послал Лайл воздушный поцелуй. – Детка, ты еще не знаешь, как тебе повезло. Передай Эйми искренние заверения в моей совершенной преданности.

– Если ты не поторопишься, – заметила Алисия, – опоздаешь на работу.

– Ничего подобного, – заявил Рейф. – Я хожу по краю, но никогда не переступаю границ. Именно так сказал мне в субботу утром старый Мэллеби. Счастливо оставаться, детки, наслаждайтесь жизнью.

Он вышел, не закрыв за собой дверь.

Лицо Дейла перекосила раздраженная гримаса.

– Что ты ей сказала, Алисия?

Она пожала плечами.

– А что я должна была сказать? – И Алисия продолжила издевательски вежливым тоном: – «Великолепно, дорогая! Мы сгораем от нетерпения увидеть тебя, особенно Дейл».

– Не кривляйся! Сегодня ей приезжать незачем. Утром я летаю, а после обеда уеду. Лайл отвезет меня в Ледлингтон, так что, если хочешь, наслаждайся обществом Эйми в одиночку.

Алисия вспыхнула.

– Вот уж нет, дорогой! Эйми не моя подруга.

– Тогда скажи ей, что мы не можем ее принять.

Лайл сидела тихо, не участвуя в разговоре. Эйми Мэллем... На миг имя задержалось на поверхности памяти, затем камнем ухнуло вниз. Женщина за изгородью, оса в патоке! Лайл прошибла холодная дрожь.

Алисия выразительно покачала головой:

– У нас нет выбора. Кроуфорды едут в школу к Джоан, у нее какие-то неприятности, и, понятное дело, Эйми с собой не возьмут. Так что придется ее принять. Раньше часу она не появится, и если ты хочешь успеть на поезд в три двадцать, мы просто выйдем пораньше – скажем, без четверти два.

– Мы?

– Хочешь бросить меня на съедение волкам? – рассмеялась Алисия. – Не выйдет. Кроме того, мне нужно забрать машину из ремонта. Лэнем обещал, что она будет готова после трех. Поброжу по магазинам и вернусь своим ходом.

Алисия обошла вокруг стола, наклонилась к Дейлу и понизила голос до шепота:

– Не упряйся, дорогой. Эйми разочарована, что не повидалась с тобой у Крейнов, и умирает от желания узнать, почему Лайл уехала в такой спешке. Если не удовлетворишь ее любопытство, она не отстанет. А если ты ее не примешь, начнет трещать на каждом углу, что ты не разрешил ей увидеться с Лайл.

Слова Алисии предназначались Дейлу, но Лайл все слышала. Неприятное чувство, словно подслушиваешь чужие секреты. Алисия смотрела на нее, Дейл хмурился. Щеки Лайл вспыхнули, она резко вскочила и выбежала вон.

Казалось, ни Дейл, ни Алисия не заметили ее ухода. Лайл не было места на этом поле битвы. Дейл хмурился, но Алисию не смущал его грозный вид. В ее яростном взгляде ясно читалось: «Почему ты боишься Эйми? Ведь боишься, я же вижу. Я могла бы защитить тебя от нее, я ей под стать, только зачем? Ты не дождался меня, выбрал Лайл – теперь пусть она тебя защищает».

Ярость Алисии превратилась в язвительный хохот.

– Смирись с неизбежным, дорогой, она все равно приедет. – Алисия привстала на цыпочки и чмокнула Дейла в подбородок.

Все утро Лайл провела в безнадежных попытках набраться мужества перед встречей с Эйми Мэллем. Переодевшись в льняное платье цвета соломы, в тон волос, она взглянула на себя в зеркало и немного приободрилась. Подкрасилась ярче обычного – нечего гостье видеть ее бледность. Да и что эта Эйми посмеет сказать, глядя Дейлу в лицо, сидя за его столом? Глупо заранее нагонять на себя страх. Оса увязнет в патоке, и делу конец.

Миссис Мэллем приехала в щеголеватой маленькой машине, одетая броско и ярко. Слишком короткая расклешенная юбка, обтягивающий верх в изумрудно-белую полоску, зеленые туфли и витая повязка на лбу, из-под которой выбивалась копна пышных золотистых волос – чересчур пышных и золотистых, под стать роскошному бюсту и мощным икрам. По контрасту с этим великолепием прочее не могло похвастаться размерами: узкие, близко посаженные глазки неопределенного цвета, тонкие бесцветные губы, бледные одутловатые щеки.

Эйми Мэллем обняла Алисию, схватила Дейла под руку и с ног до головы оглядела Лайл:

– Значит, это и есть новобрачная. Кого прикажете поздравлять?

Тот самый протяжный, увязающий в собственной сладости голос. «Этот несчастный случай был на руку Дейлу».

В первое мгновение Лайл онемела, но скоро уже трясла руку гостье. Пухлая ручка в замшевой перчатке вцепилась в ее ладонь.

– Пожалуй, если кого и поздравлять, то Дейла, – протянула Эйми Мэллем.

Другой рукой она все еще сжимала его локоть.

– Впрочем, я опоздала на полгода. Наверняка вы устали от поздравлений.

Дейл улыбнулся гостье.

– Я не против, когда мне лишний раз напоминают, как мне повезло.

Эйми Мэллем рассмеялась.

– Ты везунчик, Дейл. И как тебе это удастся?

Ленч прошел весело – по крайней мере для Эйми Мэллем. Разговаривали в основном Дейл и гостья. Алисия была не в духе, время от времени бросала раздраженные замечания и ела только фрукты.

– Право, дорогуша, тебе незачем худеть, – заметила Эйми Мэллем.

Глаза Алисии скользнули по тарелке гостьи.

– Когда это становится необходимостью, то уже поздно. Я всегда слежу за фигурой.

Миссис Мэллем залилась смехом.

– А вот мне все равно! Обожаю хорошо поесть, и мне безразлично чужое мнение. – Она повернулась к Лайл: – Знаете, я так огорчилась, не застав вас у Крейнов! Я не поверила, когда мне сказали, что вы уехали. А все потому, что в пятницу я сама появилась около полуночи – заскочила к кухне, леди Лоусток, и та уговорила меня остаться на ужин. Неразумно с ее стороны, неосмотрительно – с моей. Мэриан Крейн разозлилась, но я заявила ей: «Мы с Памелой знали друг друга за двадцать лет до нашего с вами знакомства, могла ли я ей отказать?» Вы знакомы с Лоустоками?

– Боюсь, что нет.

– Дейл, уму непостижимо, что ты творишь! – шокированно заметила миссис Мэллем. – Давно пора свести вас со всем местным обществом. Ваш муж не хочет ни с кем вас делить. Однако он обязан свозить вас к Памеле Лоусток; милейшее существо, старинная приятельница Дейла. Когда-то... Впрочем, не стоит вытаскивать эти древние истории на свет божий.

– Почему бы нет, Эйми? Старые истории тем и хороши, что их некому опровергнуть, – хмыкнула Алисия и тут же схлопотала шаловливый шлепок и кривую улыбочку от гостьи.

– Тебе бы все шутить, дорогуша!

Затем миссис Мэллем повернулась к Лайл.

– Если покажете мне сад, обещаю рассказать вам обо всех старых увлечениях Дейла.

Впрочем, этого удовольствия Лайл удалось избежать. Когда подали кофе, Дейл объявил, что спешит на поезд, а Лайл и Алисия обещали довести его до города.

Миссис Мэллем ничем не выказала своего огорчения. Очаровательно улыбнувшись Лайл, она спросила, может ли подняться наверх.

– Привести себя в порядок, дорогуша.

Если Дейлу и хотелось предотвратить этот опасный тет-а-тет, он был вынужден отступить. Вместо того чтобы броситься ему на помощь, Алисия саркастически подняла бровь и скрылась за дверью собственной спальни, и Дейлу пришлось наблюдать, как три дамы поднимаются по черно-белым мраморным ступеням на галерею, откуда до него долетел восторженный возглас Эйми Мэллем:

– Ах, на свете нет места, равного Тэнфилд-Корту!

Миссис Мэллем повторила свою реплику, пудря носик в спальне Лайл. Спальня целиком отражалась в большом зеркале. Несмотря на три высоких окна, тут всегда царил полумрак. Громадный гардероб красного дерева занимал противоположную стену, подавляя все вокруг словно утес на равнине. Темные панели не отражали свет, а словно впитывали его. Между дверями возвышался массивный комод. Неразрушимый ковер времен королевы Виктории, некогда коричневый с зеленью, стерся до неопределенного тусклого цвета. Те же цвета повторялись в выцветших узорах камчатных гардин. Следы былой роскоши только подчеркивали нынешней упадок.

Миссис Мэллем повернула припудренный носик к хозяйке.

– Дорогуша, почему вы не возьмете дело в свои руки? Комната прелестна, но подходит разве что вашей прабабке. Неужели вам не надоел цвет вареной говядины со шпинатом?

Слова гостьи покорили Лайл, но в глубине души она не сердилась на Эйми Мэллем. Лайл успела привыкнуть к тягучему выговору гостьи, да и впечатления от слов, услышанных за изгородью, успели потускнеть. Миссис Мэллем оказалась записной сплетницей, назойливой и невоспитанной, но именно поэтому ее словам и не следовало доверять.

– Да, комната старомодная, – с достоинством ответила Лайл, – но в этом особая прелесть. Тэнфилд-Корт – старинный особняк; к тому же Дейл вряд ли позволит что-то менять.

Эйми Мэллем умела смеяться, не разжимая губ. Они растягивались в узкую кривую полоску, а из груди раздавалось квохтанье, словно булькала вода в закрытой бутылке. Нет, не вода, патока.

– По крайней мере кое-что Дейл уже поменял. Вы не знали Лидию? Ах что это я... разумеется, нет – вам, должно быть, исполнилось лет десять – двенадцать, когда она умерла.

– Возможно, – бросила Лайл, желая сменить тему разговора, но не зная как.

Эйми Мэллем сузила глаза.

– До сих пор не понимаю, почему он на ней женился. За Дейла пошла бы любая. По нему сохла моя кузина Памела Лоусток. О, вам не о чем беспокоиться – теперь она всей душой предана Джошу. «Бесподобное пиво Лоусток», не слышали? Денег куры не клюют. Но тогда она была бедна как церковная мышь, а Дейлу требовалась невеста со средствами. Я всегда говорила, Тэнфилд – чудовище, требующее бесконечных жертвоприношений.

Миссис Мэллем хохотнула.

– Ему нужны все новые юные девственницы. Джернинхемы всегда женились на деньгах.

А Тэнфилд проглатывал их и просил добавки.

Лайл разрывалась на части: в ней боролись негодование и сочувствие словам гостьи.

Побледнев и сжав губы, она заметила:

– И впрямь звучит пугающе. Так вы готовы? Мы можем идти?

Глава 10

Дейл заявил, что в Ледлингтон их отвезет Лайл, но в результате сам уселся за руль. Автомобиль принадлежал Лайл, но, как большинство хороших водителей, Дейл терпеть не мог празднично сидеть в пассажирском кресле. Лайл вздохнула с облегчением. Она хотела уступить Алисии место на переднем сиденье, но Дейл раздраженно буркнул:

– Еще чего, это место – твое!

Лайл без лишних слов села рядом.

Алисия хлопнула дверцей чуть сильнее, чем требовалось. Поверх льняного платья без рукавов она надела жакет в яркую черно-белую клетку и повязала черные кудри белым шарфом. Щеки Алисии горели, глаза метали молнии. Лайл порадовалась, что ей не придется везти Алисию домой.

Дейл с трудом отделался от Эйми Мэллем, заявившей на прощание, что он делает из мухи слона – до поезда времени хоть отбавляй. Автомобиль еле тащился вверх по извилистой проселочной дороге от деревни Тэнфилд до Ледлингтон-роуд.

– Мы что, едем на похороны? – съязвила Алисия.

Хмурый Дейл не удостоил ее ответом.

Спустя некоторое время он резко спросил Лайл:

– Когда ты в последний раз на ней ездила?

– Вчера.

– Не заметила ничего странного с рулевым управлением?

– Нет. Что-то серьезное?

Дейл продолжал хмуриться.

– Не знаю, машина странно себя ведет на подъеме. Будь осторожнее на обратном пути. Пусть Эванс ее проверит. Вот когда вспомнишь добрым словом Пелла.

– Эванс... – начала Лайл, но сочла за благо прикусить язык.

– Эванс – шофер, а не механик. Вряд ли ты поймешь разницу. Женщины ничего не смыслят в технике. И зачем я рассчитал Пелла!

– Дорогой, ты же не мог допустить, чтобы он продолжал свои шашни с деревенскими! – рассмеялась Алисия. – По крайней мере пока Лайл тут живет.

Лайл выпрямилась и заметила, подчеркнуто обращаясь к Дейлу:

– Ты сам принял решение. Коулы – твои арендаторы. После того как мисс Коул пожаловалась, что Пелл не дает проходу Сисси, ты сам сказал, что ему тут не место.

В ответ Лайл получила сердитый взгляд, но не сдалась. Муж ревностно относился ко всему, что касалось Тэнфилда и арендаторов. А Пелл был пришлым. Да и Алисии не следовало встревать не в свое дело.

– Как же меня раздражают эти неполадки с рулевым! – прорычал Дейл.

– Вчера все было отлично, – невозмутимо сказала Лайл.

Неполадки с рулевым управлением ее не тревожили. Дейл привык к большим автомобилям, дамские машинки его угнетали. Муж всегда находил, к чему придраться: то к зажиганию, то к тормозам. Лайл и сама отлично водила, но механика ее не интересовала. Сейчас Лайл больше угнетала ворчливость Дейла, чем неполадки.

– Да ерунда все это! – заявила Алисия, уже не дразнясь, но снова не получила ответа.

Дейл разглагольствовал о вождении вообще и об автомобиле Лайл в частности всю дорогу до станции, раздраженный скорее хозяйкой машины, чем самой машиной. Под конец Лайл и сама поверила, что виновата в проблемах с рулевым управлением. Выходит, будь у нее машина поновее, Дейл перестал бы злиться. И впрямь, почему бы не купить новую модель, ведь денег достаточно? Однако Лайл упрямо продолжает водить этот несносный драндулет – это ли не

доказательство ее скверного характера? Ничего из этого не было сказано вслух, но отчетливо прозвучало в тоне, доставив Алисии на заднем сиденье немало веселых минут.

Однако когда они приехали на станцию, настроение Дейла изменилось. Он крепко сжал руку Лайл.

– Женщины не смыслят в автомобилях, а ты хуже их всех, вместе взятых.

На сей раз упрек был высказан с нежностью. Лайл просияла:

– Я знаю, милый!

– Я беспокоюсь за тебя, дорогая. Отгони машину к Лэнему, не тяни.

– Да, но...

– Сделай это ради меня.

Дейл отпустил ее руку и чмокнул Лайл в щеку.

– До завтра! – крикнул он на прощание, помахав Лайл и Алисии рукой.

Лайл смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду. Очевидно, для Алисии это стало последней каплей. Не успел автомобиль двинуться с места, как она заметила приторно-сладким тоном:

– Я вижу, тебе нравится, когда с тобой нянчатся. Меня чуть не стошнило! «Дорогая, ты ничего не смыслишь в автомобилях!» – Алисия понизила голос, на редкость умело копируя манеру Дейла. – Мужчине, который посмел бы так со мною сюсюкать, не поздоровилось бы.

«Да ты бы все отдала, чтобы Дейл сказал это тебе!» – подумала Лайл, но промолчала.

Она аккуратно выехала со станции и свернула направо, к гаражу Лэнема. Поскорей бы избавиться от Алисии! Лайл считала минуты. Нет, она не станет отвечать на ее колкости. Дейл придет в ярость, если узнает, что они сцепились с Алисией. Нет, Лайл высадит ее у гаража и тут же уедет.

Хотя Дейл и велел ей проверить машину.

Все равно она и лишней минуты не задержится рядом с Алисией! Эванс посмотрит машину дома. Дейл не заметит разницы.

Алисия между тем не закрывала рта:

– Ты так и будешь всю жизнь цепляться за мужчин? Неужели ты не способна сама о себе позаботиться? Что течет в твоих венах: кровь или водица? Разбавленное водой молоко, не иначе. Думаешь, Дейл способен довольствоваться такой смесью? – Алисия с горечью рассмеелась. – Почему ты молчишь? Не хватает духу послать меня к черту?

Лайл остановила машину прямо перед открытыми воротами гаража и вышла, бледная, но спокойная. Затем подошла к задней дверце, открыла ее и дождалась, пока Алисия выйдет.

Несколько мгновений они стояли рядом, напряженные, без кровинки в лице. Алисии бледность не шла, выдавая возраст, делая заметнее круги под глазами. Лайл, напротив, выглядела очень юной, душераздирающе юной, словно напавшее дитя, искренне не понимающее, за что его бранят.

– Ты уверена, что твоя машина готова? Я могу тебя подождать.

Алисия вспыхнула.

– Лучше подожди свою – мою уже починили.

Лайл не ответила, села в машину и уехала.

Глава 11

Отъехав с полмили, Лайл остановилась и опустила верх кабриолета. Именно из-за складной крыши ей не хотелось расставаться со старым автомобилем. Ей нравилось ощущать над головой чистое небо. Лайл складывала верх, только когда ехала одна или с Рейфом. Ей нравилось, как ветер лохматит волосы, а в вышине проплывают облака и аэропланы.

Сев за руль, Лайл успокоилась. Дейл уехал в Лондон. Алисия? С глаз долой, из сердца вон. Лайл вновь обрела свободу, ветер и солнце принадлежали только ей. Она свободна, как дитя, вырвавшееся из-под присмотра, свободна в мыслях и поступках.

Лайл не спеша ехала по ровной дороге. По обеим сторонам расстилались поля с редкими фермами и рощами. Небо сияло безоблачной голубизной. Встречный поток воздуха шевелил волосы. Вдали синело море, но вскоре его скрыла высокая насыпь. Лайл предстоял спуск к деревне. Поначалу дорога шла полого, затем делала петлю и после поворота круто ныряла вниз.

Она успела забыть про неполадки в рулевом управлении, как вдруг на середине поворота раздался щелчок и руль вырвался из рук. Автомобиль развернуло, и он понесся вниз с холма, подпрыгивая на неровной земле. Приближался правый поворот, но машину несло прямо на стену сарая Куперов. После того как однажды ночью в нее врезался потерявший управление автомобиль, стену выкрасили белым. Лайл не могла оторвать глаз от белого пятна. Той ночью машина разбилась вдребезги, водитель погиб. Она попыталась вывернуть руль, но руль не слушался. Лайл распахнула дверцу и прыгнула.

Стоявший за поворотом Рейф Джернингхем успел заметить, как автомобиль врезался в стену, и, не чуя под собой ног, бросился к сараю, уверенный, что Лайл погибла. За спиной слышался топот ног перепуганных Куперов.

Машина напоминала раздавленную игрушку, но водительское место пустовало. Кровь гремела в ушах. Рейф шумно вдохнул и бросился вниз по склону.

Лайл лежала лицом вниз, раскинув руки. Она упала в канаву, в пышные заросли болиголова. Рука, сжимавшая пучок травы, шевельнулась.

Рейф упал на колени рядом с ней.

– Лайл!

Она была жива. Лайл привстала. Они стояли на коленях друг против друга. На побелевшем лице Лайл краснела свежая царапина. Серые глаза смотрели на Рейфа, не видя его. Рейф с тревогой вглядывался в лицо Лайл.

– Ты ранена?

– Нет... я не знаю... я решила, что мне конец...

– И я.

К месту происшествия сбежалась вся деревня: Куперы, почтмейстерша мисс Коул, ее племянница Сисси, портниха, Джеймс, брат мисс Коул, владелец лавки, пекарь мистер Мэггс, престарелый мистер Обадайя Крисп, а также толпа юных Криспов, Коулов, Куперов, связанных между собой сложной цепью свойства и родства. Все были перепуганы, возбуждены, преисполнены сочувствия и любопытства. Их слегка разочаровало, что Лайл ничего не сломала. Однако миссис Купер со знанием дела заметила:

– Иногда переломы проявляются не сразу.

Лайл, сидя на траве, смягчившей падение, ощупывала себя и без конца повторяла дрожащим голосом:

– Не беспокойтесь, со мной все хорошо.

Рейф выловил в толпе мисс Коул и попросил:

– Пожалуйста, позвоните в усадьбу, пусть пришлют Эванса на другой машине, да поскорее.

– И как только ее угораздило? – удивленно спросила Сисси Коул, переводя взгляд с тетки на Лайл.

«Девушки вроде нее вечно уставятся в пол, будто ты с ними заигрываешь», – мелькнуло в голове Рейфа. Ему не нравилась Сисси – высокая тощая девушка, грубое подобие Лайл, и к тому же неряшливая. Заправив за ухо соломенную прядку, Сисси скорбно пробубнила:

– И как только ее угораздило?

Этот же вопрос, но в других выражениях, задал ей Рейф спустя пару часов после аварии. Лайл отказалась лечь в постель и запретила себя опекать. Сменив безнадежно испорченное платье, Лайл устроилась в глубоком кресле на лужайке, откуда открывался вид на Тэйн-Хед, и в одиночестве пила чай. Здесь было тихо и хорошо. «А главное, нет Алисии», – думала Лайл.

Рейф присел на табурет у ее ног и спросил:

– Черт подери, что это было?

– Что-то случилось с машиной на повороте.

– Что именно?

– Руль перестал слушаться.

– А раньше ты ничего не замечала?

– Дейл заметил.

Рейф передернул плечами и отвернулся.

– Дейл? Что именно он заметил?

Лайл всхлипнула.

– Он рассердился – сказал, что барахлит рулевое...

Рейф перебил:

– Кто вел машину – ты или он?

– Дейл. Он ненавидит сидеть рядом с водителем. Дейл велел мне проверить машину у Лэнема.

– Дейл велел тебе проверить машину, а ты не послушалась? Почему?

– Не захотела... – Лайл покраснела.

– Но почему?

– С нами была Алисия. Приехала за своей машиной. Она пыталась завязать ссору, а я не хотела ссориться.

Рейф пытливо всматривался Лайл в лицо.

– По-твоему, лучше угодить в аварию, чем поссориться?

– Я же не думала, что все кончится аварией! Дейл хотел, чтобы машину осмотрел Эванс, а уходя, велел мне ехать к Лэнему. – Лайл нервно усмехнулась. – Откуда мне было знать, что все так серьезно?

Рейф обхватил руками колени. В светлых брюках и белом свитере, небрежно накинутом на плечи, он казался смуглее обычного. Темные волосы курчавились над ушами слегка вытянутой формы.

– Из-за чего вы с Алисией поссорились?

– Я не ссорилась. Рейф, почему она меня ненавидит?

– Неужели не догадываешься? – Рейф тонким голосом пропел: – «Не презирала б так тебя, не будь ей он милей»⁶.

Лайл густо покраснела.

– Прекрати, Рейф.

Он рассмеялся.

– Тоже мне тайна! Причина *ее* ненависти стара как мир, прелесть моя, – Алисия тебя ревнует. А если ты и дальше собираешься изображать святую простоту, я скажу к кому.

⁶ Рейф перефразирует строчку Ричарда Лавлейса из стихотворения «К Лукасте, уходя на войну».

Лайл насупилась, однако с детской прямоотой встретила его насмешливый взгляд. Вечно этот Рейф дразнится... Хотя, возможно, именно поэтому с ним легко болтать обо всем на свете. И никаких тайн, никаких подводных камней и зыбучих песков – лишь чистая прозрачная вода.

– Скажи, в моих жилах течет разбавленное молоко? – спросила Лайл.

Рейф расхохотался.

– Это Алисия придумала?

Лайл кивнула.

– Тебе следовало ответить, что лучше молоко, чем уксус.

– Ты тоже думаешь, что в моих жилах течет разбавленное молоко?

На лице Рейфа появилось очень странное выражение.

– Разбавленное? Нет. Скорее подслащенное медом.

Лайл прыснула.

– Фу, гадость! Ты говоришь как герой драмы. Меня сейчас стошнит!

Рейф замолчал, довольный, что ему удалось ее рассмешить. На щеках Лайл снова играл румянец, и она больше не смотрела за горизонт невидящим взглядом.

Внезапно Лайл нахмурилась. Герой драмы... Только вчера Дейл сказал о ком-то: «Его ждал драматичный конец». Тот человек разбился на машине, как едва не разбилась она. И вместо того чтобы сидеть на лужайке рядом с Рейфом, она могла бы... Но что толку думать об этом? Все в руках Божьих.

– О чем задумалась? – спросил Рейф.

– Если бы я не выпрыгнула...

Он не сводил с нее напряженного взгляда.

– Почему ты выпрыгнула?

– Я подумала, это мой единственный шанс.

Рейф кивнул.

– Ты успела подумать или просто запаниковала?

Глаза Лайл потемнели.

– Я успела подумать... о многом.

– Расскажи!

В его тоне было столько нетерпения, что на миг Лайл оторопела, но доверие к Рейфу взяло верх. К тому же рассказывать о пережитом стало облегчением.

– Знаешь, когда такое случается, в голове толпится столько мыслей! Я думала, что Дейл рассердится, потому что я его не послушала, а Алисия, напротив, обрадуется. Думала, что вовремя переписала завещание и теперь Дейлу не придется продавать Тэнфилд. А когда увидела перед собой белую стену, поняла, что если не выберусь из машины, то погибну. Углядела подходящую канаву – и прыгнула.

На лице Рейфа застыла странная гримаса.

– Ах ты, моя умница! И как это у тебя получается? Не успела испугаться, потому что думала о Дейле и прочем?

– Почему же, испугалась. Я боялась порезать лицо.

– Твое прекрасное личико. Что ж, оно того стоит. Царапина на щеке неглубокая – не успеешь оглянуться, заживет. А когда ты изменила завещание?

Как это похоже на Рейфа – перескакивать с одной темы на другую, не меняя тона.

– Около двух недель назад. Следовало сделать это раньше. Помнишь, мы только об этом и говорили...

– Забыл. Переутомился или впадаю в маразм. Вот, вывихнул палец, верный симптом. Как часто то, что кажется злом, выходит благом. Не прищепи я палец дверью, сидел бы сейчас и чертил аэропланы – кстати, совершенно секретные модели! – вместо того чтобы шляться по

деревне в поисках попутной машины, а потом вытаскивать тебя из канавы. Надеюсь, платье цело?

– Порвалось.

– Жаль, этот медовый цвет тебе к лицу. А что ты изменила в завещании? Добавила древнее как мир «оставляю все своему благоверному»?

– Да.

Брови Рейфа иронически поползли вверх.

– А родственникам?

Лайл нахмурилась. Сегодня ей меньше всего на свете хотелось вспоминать о том, что, кроме мужа, у нее никого нет.

– Есть кузены в Штатах, но я с ними незнакома. По отцовскому завещанию деньги отошли бы к ним.

– А как же Алисия? Это был бы поистине широкий жест. Что-нибудь вроде: «Мое поддельное жемчужное ожерелье – кузине по мужу Алисии Стейн». Как Шекспир, оставивший жене подержанную кровать. Твой щедрый дар встретил бы благодарный прием. А мне? Я бы не отказался от пожизненного содержания. Если мой бедный палец не срастется, кончу дни на паперти.

Лайл выпрямилась.

– Дейл не сказал тебе?

– Нет.

Рейф вздрогнул и сжал кулаки. Костяшки пальцев побелели.

Лайл встала, ее колени слегка дрожали.

– Я кое-что тебе оставила, но не собиралась говорить.

Глядя в землю, Рейф произнес:

– Я не знал.

Глава 12

Спустя час в доме раздались два телефонных звонка подряд. Сначала трубку взял Рейф. Он проходил по коридору, когда телефон зазвонил в столовой. Услышав разъяренный вопль Алисии, Рейф кивком отпустил слугу, показавшегося в дверях, и сказал в трубку:

- Аллю!
 - Рейф, эти мерзавцы до сих пор не починили мою машину!
 - Дорогая, почему бы тебе не выпить чаю? Ты вопишь словно дюжина фурий.
 - Я и есть фурия!
 - А гараж бедняги Лэнема похож на скотобойню?
- Алисия злобно расхохоталась.
- Вряд ли им захочется снова меня разозлить!
 - Не оставила от гаража камня на камне? Кстати, Лайл разбилась.
 - Что?
 - Руль отказал на повороте, и автомобиль врезался в стену сарая.
- В трубке стало тихо, затем Алисия резко вдохнула.
- А как она?
 - Спаслась чудом. Успела выпрыгнуть из машины.
 - Не ранена?
 - Кажется, нет. Царапина на левой щеке, дрожь в коленках, больше ничего. Не судьба

Дейлу снова повязать черный галстук.

На том конце провода послышался судорожный вздох, словно Алисия пыталась унять ярость. Так или иначе, попытка оказалась неудачной.

- Ни к чему она не пригодна, – чеканя каждое слово, прорычала она.

Раздались гудки. Рейф положил трубку и вышел из столовой.

На второй звонок ответила Лайл. Она переодевалась к ужину, когда на прикроватном столике зазвонил телефон.

Стоя посреди спальни в одной персиковой сорочке, Лайл слушала невообразимо далекий голос Дейла. Муж не собирался звонить, и Лайл не была готова защищаться от его упреков. Присев на край кровати, она едва слышно пролепетала:

- Дейл, что-то случилось?
- После долгой паузы голос снова прорезался, неожиданно громкий.
- Я не расслышал. Кто говорит?
 - Лайл.
 - Кто говорит? Не слышу.

Еще недавно Лайл рассмеялась бы и воскликнула: «Да это же я, глупенький!», но слова не выговаривались. Горло перехватило, губы пересохли.

- Лайл, это Лайл, – повторила она чужим голосом.

В трубке раздалось дребезжание.

- Кто это? Вы что-то сказали о Лайл?

Она повторила собственное имя.

И снова этот ужасный скрежет.

- Лайл? Что с Лайл? Ради Бога, что?! Что произошло?

- Машина разбилась.

- Что?

- Машина.

- А что с Лайл?

Наконец Лайл обрела голос:

– Дейл, ты меня слышишь? Это я, Лайл. Не сердись из-за машины.

Громкий настойчивый голос на том конце провода смолк.

– Машина... Ты не ранена?

– Нет, я выпрыгнула. Спаслась чудом. Надо было оставить машину у Лэнема, но ты ведь не станешь меня бранить?

– Так ты цела? – спросил Дейл после паузы.

Лайл начала бить дрожь. Бедный Дейл! Вместо ее голоса он мог бы услышать в трубке чужой, который сообщил бы ему о смерти Лайл.

– Да, да, милый, я цела! – взволнованно затараторила она.

Дейл с запинкой, словно ему не хватало воздуха, произнес ее имя. В следующее мгновение он заорал в трубку:

– Я же велел тебе оставить машину у Лэнема! Я же сказал тебе это перед самым отъездом! Почему ты меня не слушаешь?

Потрясенная его яростью, Лайл попыталась взять себя в руки. Живя с Дейлом, она научилась скрывать свои чувства. Нельзя показать ему, как ты напугана... Мысль ускользала. Нельзя показать...

Дейл бушевал в трубке:

– Ты здесь? Почему не отвечаешь?

– Дейл, не кричи так.

– А чего ты ждала? Ты едва не погибла! Думала, я обрадуюсь? Ты меня не послушалась, и что вышло? Ждала, что я тебя похвалю?

Внезапно Лайл вздрогнула.

– Не знаю, – пролепетала она и повесила трубку.

Лайл оперлась на кровать, пытаясь унять дрожь. Ее испугал не гнев мужа, она привыкла к вспышкам его ярости. Нет, страх был связан с другим.

Дейла можно понять. Он велел ей проверить машину, а она ослушалась. «Я так и поступила бы, если бы не Алисия... Алисия!» Они знакомы с рождения. Дейлу не привыкать к ее склочности, ее вспыльчивости. Он знал, что машина Алисии стоит в гараже Лэнема. «Знал ли он, что я не выдержу и уеду, только бы не нарваться на ссору?»

Лайл снова сотрясла дрожь. Нет, это невозможно. «Он же сам велел мне проверить машину!»

Глава 13

Дейл вернулся на следующий день. К облегчению Лайл, он пребывал в отличном настроении, однако ни словом не обмолвился о том, как продвигаются дела с возможной продажей земель.

– Лайл!

Дейл обнял ее, крепко поцеловал и отвернулся к Рейфу, удостоив Алисию небрежным кивком.

– Что с автомобилем? Насколько серьезны повреждения?

Рейф сделал неопределенный жест рукой.

– Вдребезги. Ходовая часть снесена начисто. Лайл придется раскошелиться и купить велосипед, если не хватит на новую машину.

Дейл расхохотался, его рука лежала на плече Лайл.

– Робсон – старый скряга, но если Лайл хорошо попросит, отказа не будет. А где старая машина? Хочу на нее посмотреть.

– Эванс доставил труп вчера вечером. Я велел ему не трогать покойную до твоего приезда.

Позже, спустившись в сад, Рейф застал Дейла и Эванса над останками автомобиля. Завидев Рейфа, Дейл подошел к кузену.

– С рулевым управлением неладно. Видимо, когда Лайл вошла в поворот, соединяющая ось треснула. Эванс утверждает, что ось могла треснуть, когда машина врезалась в стену, но это крайне маловероятно.

Рейф посмотрел на шофера, но тот весь ушел в изучение искореженных деталей.

– Я понял только то, что машина потеряла управление. Иначе она не врезалась бы в сарай.

Дейл отвел Рейфа в сторонку и взял за локоть.

– Не забывай, Лайл очень плохо водит. Она могла запаниковать и выпустить руль. Не хочу сказать, что машина была исправна, она плохо слушалась еще по дороге в Ледлингтон. Я первый заметил неполадки. Но меня не это злит! Я же велел Лайл не садиться за руль, пока автомобиль не осмотрят. Не понимаю, почему она не прислушалась!

Рейф рассмеялся.

– Они повздорили с Алисией. Вернее, Лайл не захотела ссориться с Алисией.

– Откуда ты знаешь?

– Лайл рассказала. Поэтому она не осталась в гараже. Лайл ненавидит ссоры.

Дейл нахмурился.

– Впервые слышу. В любом случае я велел ей проверить рулевое управление, прежде чем ехать домой.

– Хорошее название для нравоучительной брошюры: «Женское непослушание, или Роковое происшествие на дороге»... или едва не ставшее роковым, – хмуро закончил Рейф.

Дейл насупился.

– Хватит об этом. – Он отошел от гаража. – Эванс намекает, что в машине кто-то покопался.

Рейф огляделся и после паузы спросил:

– Что значит «намекает»?

Дейл пожал плечами.

– Увольнение не повод подстроить аварию жене бывшего хозяина. Я так и сказал Эвансу.

– О ком ты говоришь?

– О Пелле, о ком еще? Эванс намекает на него.

Рейф присвистнул.

– Интересно...

– Но зачем? Даже если он вообразил, что Лайл настояла на его увольнении... Но ведь это неправда, я сам велел ему выметаться. Зачем так рисковать? И что он надеялся выиграть? Работу он уже потерял, а теперь его заподозрят в покушении на убийство.

Рейф не смотрел на Дейла. В углу двора на самом солнцепеке пестрая кошка вылизывала недовольного котенка.

– А разве Лайл не просила тебя уволить Пелла?

Дейл пожал плечами.

– При чем тут Лайл? Оказалось, у Пелла жена в Пэкхеме. Меня не волновало, сколько у него подружек, пока он не начал заводить шашни в Тэнфилде. Когда мисс Коул, тетка Сисси, узнала, что он женат, она пришла ко мне, и я велел ему убираться. Лайл не пришлось вмешиваться.

– Но Пелл мог подумать, что виновата она.

– С чего бы?

Рейф смотрел на пеструю кошку.

– Сисси говорила с ней до того, как к тебе обратилась мисс Коул. Девушка принесла ей шитье, расплакалась и все рассказала.

– Откуда ты знаешь? – резко перебил Дейл.

– Я видел, как она уходила заплаканная. И Пелл видел. Он мог решить, что Лайл повлияла на твое решение.

Дейл нетерпеливо дернулся.

– Он прослужил здесь достаточно долго, чтобы понять – мне не нужны советчики. Я и Эвансу сказал то же самое. Ты же знаешь эту публику. Эванс сейчас на коне. Пелла вышибли с треском – очень удобно вешать на него всех собак. Он еще полгода будет сваливать все на Пелла. Я сказал Эвансу, что не желаю слышать его намеков.

Схватив строптивного котенка за ухо, кошка вылизывала ему мордочку, котенок вырывался, мамаша шлепала его лапой.

– Пелл много о себе мнит, – задумчиво протянул Рейф. – Такие не спускают обид. Людей убивали за меньшее. Но у тебя нет оснований для обвинения. С таким же успехом можно обвинить в покушении на Лайл любого из нас. Тебе не приходило это в голову? – Не дожидаясь ответа, Рейф рассмеялся. – Подпилить ось мог любой дурак, и Пелл прежде всего. Человек, лишившийся работы из-за Сисси Коул, глуп как пробка.

Котенок взвизгнул, вырвался из материнских лап и бросился наутек. Пестрая кошка потянулась и двинулась к Рейфу. Выгнув спину, она потерлась о его брюки и замурлыкала. Рейф нагнулся и почесал ее за ухом.

Глава 14

Они пили кофе на боковой лужайке, когда Дейл запустил руку в карман, выудил коробочку и бросил ее на колени Лайл. Она вопросительно и чуть растерянно посмотрела на мужа.

– Что это?

Дейл, пребывающий в полной гармонии с миром, улыбнулся.

– Открой, это подарок.

Кровь бросилась Лайл в лицо. Почему он не отдал подарок, когда они были наедине? А теперь ей придется распаковывать его на глазах у Алисии. Впрочем, той было не до нее. Растянувшись в плетеном кресле и подставив ноги солнцу, Алисия зачарованно следила, как дымок от сигареты дрожит и тает на фоне голубого неба.

Утро выдалось превосходное, тихое и жаркое. Над морем висела дымка, словно воспоминание обо всех выкуренных сигаретах. С одной стороны горизонт замыкал Тэйн-Хед, за ним тянулись торфяные болота. С другой раскинул ветви великан-кедр. Под ними и укрылась Лайл: волосы в тени, солнечные зайчики пятнают зеленое платье. Остальные жарились на солнце-пеке.

– Мы словно саламандры, – заметил Рейф, сидевший по-турецки на подушках, облокотившись о ножную скамейку Алисии, – сколько ни загорает, все нам мало. «Будь готов!» – вот наш девиз. Лично я всегда готов услышать райское пение. Того и гляди, над головой нимб засияет. Ибо душа моя чиста в отличие от Дейла и Алисии. «Я силой десяти богат – поскольку чист душой»⁷, как сказал покойный лорд Теннисон о покойном Галахаде.

Пальцы Лайл запутались в ленточке. Вот и та пожилая дама в купе цитировала Теннисона. Лучше бы Рейф не упоминал о нем. «Мисс Мод Сильвер, частные расследования». Нечего тут расследовать.

Алисия стряхнула пепел и томно протянула:

– Так ты вроде тех гипсовых статуй святых?

– Скажешь тоже, гипсовых! Чистое золото, вот я каков!

Дейл следил за женой. У Лайл были красивые руки, белые и изящные, но не очень ловкие. Наконец пальцы справились с ленточкой, и под слоями оберточной бумаги оказалась коробочка для драгоценностей, стянутая резинкой.

– Открой, – ободряюще улыбнулся Дейл.

Лайл с неохотой последовала его призыву. Дейл редко дарил ей подарки, здраво рассуждая, что у Лайл хватит денег на любую причуду. Лайл была тронута и польщена первым подарком мужа после свадьбы, но предпочла бы открыть коробочку без свидетелей.

Лайл сдвинула крышку и густо покраснела. В коробочке лежала фигурка из горного хрусталя. Лайл не сразу поняла, что это: из зарослей выглядывало не то человеческое лицо, не то звериная мордочка; в когтистой лапе был зажат круглый блестящий плод.

Фигурка поймала солнечный луч и заискрилась, теряя очертания. Лайл отпрянула – и снова странная физиономия подмигивала из зарослей.

– Не нравится? – спросил Дейл.

Она потрясенно уставилась на мужа:

– Что это?

– Китайская фигурка из горного хрусталя. Я думал, ты оценишь. – Голос стал жестким. – Не угадал.

Внутри у Лайл что-то дрогнуло. Что она делает? Если бы они были вдвоем, она бросилась бы Дейлу на шею, но при Рейфе и Алисии?

⁷ Альфред Теннисон, «Сэр Галахад». – Пер. Д. Катара.

Стараясь смягчить голос, она быстро проговорила:

– Но я оценила! Просто не сразу поняла, что это. Превосходная вещица.

Алисия выпустила изо рта дым и, не сводя глаз с дымного колечка, расхохоталась.

– Дейл, дорогой, а чего ты ожидал? Вручаешь ей коробочку для драгоценностей, а внутри оказываются не бриллианты, а стекляшка! Нашел чем удивить, верно, Лайл?

Лайл вспыхнула до корней волос, но не успела возразить.

– Ты не слишком тактична, дорогая, – встрял Рейф. – Все вы, женщины, одинаковы. Для мужчин со вкусом, вроде нас с Дейлом, китайская резьба стоит дюжины бриллиантов. Не говоря уже о том, что Лайл они противопоказаны. Жемчуг, изумруды, сапфиры – да, пожалуй, сапфиры ей пойдут. Хризопразы и самые бледные топазы в золоте. Но ни в коем случае не бриллианты.

Алисия выпустила еще одно колечко дыма.

– Если бы женщины носили только те драгоценности, что им идут, ювелиров ждала бы голодная смерть. Посмотри на старых ведьм, усыпанных бриллиантами на приемах. На свете нет женщины, которая отказалась бы нацепить их при всяком удобном случае. – Она выпрямилась и протянула руку. – Дай-ка мне поглядеть на этот суррогат.

Рейф забрал фигурку у Лайл и передал Алисии.

– Отличная работа, – заметил он, разглядывая фигурку в ее смуглой ладони. – Словно кто-то наблюдает за тобой из-под толщи воды, и вдруг раз – и снова никого. Где ты ее взял, Дейл?

– В магазине подержанных вещей на Фулхэм-роуд. Там было много всякой всячины. Я думал, Лайл оценит.

Он говорил о ней, словно ее не было рядом. Лайл ничего не могла с собой поделаться – от ухмылки лукавой рожицы ее пробирала дрожь.

Алисия установила фигурку на ладони и выпустила на нее дым.

– Неуловимый дьяволенок. Улыбка Чеширского кота.

– Оставь себе, – сказал Дейл. – Лайл не обидится.

Несколько секунд Алисия пристально смотрела на него, затем рассмеялась и отвела взгляд.

– Я предпочитаю подарки, которые выбирают специально для меня. И кстати, ничего не имею против бриллиантов. Держи, Лайл!

Хрусталь сверкнул в воздухе. Рейф ловко перехватил фигурку и аккуратно положил на колени Лайл.

Внезапно Дейл вскочил с кресла и подошел к ней.

– Тебе не понравилось?

– Я... Дейл...

– Зловещая фигурка, – заметил Рейф.

Алисия рассмеялась. Лайл, от расстройства потерявшая дар речи, протянула к мужу руку.

– Дейл, ты не понял... С твоей стороны было так... прошу тебя...

Повисло тяжелое молчание. Дейл стоял мрачней тучи. К компании под кедром приблизился слуга. Лайл вздохнула с облегчением.

– В чем дело, Уильям?

– Прошу прощения, мадам, к вам мисс Коул.

Дейл снова опустился в кресло.

– Мисс Коул? Почтальонша? – спросил он.

– Да, сэр.

– Интересно, что ей нужно? Поговори с ней, Лайл.

Она встала и пошла к дому. Лайл мучил стыд. Она вела себя не как взрослая женщина двадцати двух лет, а словно застенчивая семилетка. Лайл шла через лужайку, крепко сжимая в ладони хрустальную фигурку, а вслед летел залиvistый смех Алисии.

Глава 15

Во всем громадном доме Лайл нравилась только одна комната. Стены маленькой гостиной, некогда выкрашенные в белый, со временем приобрели оттенок слоновой кости. Зеленые парчовые портьеры выцвели, а старый китайский ковер в тон портьерам стерся до водянистого серо-зеленого. Комод красного дерева, диванчик с высокой спинкой, книжный шкаф и пианино, украшенное ветхими оборками из пепельно-зеленого шелка, – вся мебель давно пережила свое время.

У пианино был мягкий звук, и иногда, оставаясь в одиночестве, Лайл нажимала на пожелтевшие клавиши, заставляя их петь. Три стеклянных двери выходили на лужайку, на кедр и на море.

Мисс Коул ничуть не походила на тетушку белобрысой рохли Сисси Коул. Кругленькая приземистая почтмейстерша излучала энергию. Карие выпуклые глазки сияли, румянец не сходил со щек, голова крутилась как у птички. Она тут же затараторила, без остановки промокая платочком лицо и шею:

– Как поживаете, миссис Джернинхем? Вот так жара! Простите, что помешала вам наслаждаться тенью и морским бризом. Вы не представляете, какое пекло в деревне! Зато мы не знаем горя зимой. Что ж, либо одно, либо другое. Всегда есть повод, за что благодарить судьбу, если хорошенько поискать.

– Да-да, конечно, – согласилась Лайл. – Не хотите присесть?

Мисс Коул уселась в кресло викторианских времен, вышитое розами, чертополохом и трилистником. Бордовая канва со временем посерела, и если в лепестках розы еще угадывался красный цвет, то от чертополоха и трилистника остались лишь воспоминания.

Мисс Коул поставила на ковер аляповатую коричневую сумку, разгладила на коленях выходное ярко-синее платье из искусственного шелка и пустилась в рассуждения:

– Надеюсь, вам полегчало, миссис Джернинхем? Я так рада, так рада, что все обошлось! Меня и саму в постель не уложишь. Должно быть, вам до сих пор не верится, что вы живы. Автомобиль-то в лепешку. Не далее как в декабре сестру моей невестки напугал какой-то бродяга: и подумать только, не прошло и полугода, как ей вырвали два превосходных зуба! А надо сказать, что все их семейство славится крепкими зубами. Вот она и говорит мне: «Так и знай, без бродяги тут не обошлось». Надеюсь, вам подобное не грозит.

– Я тоже надеюсь, – улыбнулась Лайл.

– Никогда нельзя быть уверенной! – живо возразила мисс Коул. – Говорят, руль разнесло вдребезги. Неспроста это, ох неспроста. Такие механизмы сами не ломаются, уж простите, что повторяю сплетни. А этому Пеллу я никогда не доверяла...

– Мисс Коул!

Гостья дернула головой, словно птичка, клюнувшая червяка, – и яркие синие вишенки на черной шляпке клацнули, словно градины.

– Я, конечно, извиняюсь, миссис Джернинхем, но людям рот не заткнешь. Все случилось у них под носом, в деревне, да и все помнят, как Пелл с неделю назад похвалялся в «Зеленом человечке», что никому не спустит обиды. Том Крисп слышал собственными ушами. «Любой, кто решит меня надуть, пусть пеняет на себя, и мне плевать, простой он человек или важная шишка». Так и сказал. Извиняюсь, что повторяю его грубости, но, по-моему, мистер Джернинхем должен знать...

– Я думала, Пелл уехал, – перебила Лайл.

Мисс Коул снова клюнула воображаемого червячка.

– Это Пелл-то? Как же, уехал! Да его теперь отсюда ничем не выкуришь: такого хлебом не корми, дай напакостить, да еще и хвастать потом, что такого работника, как он, везде с руками оторвут.

Лайл давно хотела сменить тему, но мисс Коул явилась, чтобы перемыть Пеллу косточки, и была тверда в своем намерении. Почти против воли Лайл задала вопрос, которого ждала гостья:

– Так он нашел работу?

– На аэродроме, – важно отвечала мисс Коул. – Всем уши прожужжал, какие деньжищи загребают. – Гостья промокнула пот. – Если бы он на этом успокоился, я бы и слова не сказала. Никто не упрекнет меня, что я сую нос в чужие дела, но Сисси моя племянница и, кроме меня, некому присмотреть за бедной сироткой. Я не упрекаю моего братца Джеймса – у него самого забот полон рот, но выходит, что, кроме меня, за девочку некому заступиться.

– Сисси его прогнала?

– Если бы! Пелл ей проходу не дает, а она и рада-радехонька, бедная дурочка.

– Какая жалость, – вздохнула Лайл.

– Она еще раскается, да будет поздно! – Мисс Коул снова клюнула воображаемого червячка. – И как ей не совестно! Разве я этому ее учила? Хотя знай она, что Пелл женат, Сисси и не взглянула б в его сторону. А теперь она сидит, и льет слезы, и жалуется, что этот Пелл разбил ей сердце. Ах как добр был мистер Джернинхем, когда я пришла пожаловаться на нашу беду, как добр, словно отец родной! Тут же выставил Пелла за дверь. Ах если бы мистер Джернинхем посодействовал, чтобы негодяя выгнали с аэродрома, но мне совестно донимать его просьбами. Не замолвите словечко за бедную девочку, миссис Джернинхем?

Лайл побледнела.

– Вряд ли.

Дейл не станет ее слушать. Скажет, что это не его дело, и будет прав.

– Одно словечко! – Мисс Коул снова загремела вишнями. – Я не смогу спокойно спать, пока этот Пелл не уберется из деревни! Бедняжка Сисси и любит его, и до смерти боится. А Пелл грозит, что, если она даст ему отставку, он пойдет на все. Пока он здесь ошивается, не будет нам покоя. Одно словечко, ну что вам стоит...

– Я не могу, – пролепетала Лайл, – не могу, мисс Коул.

Глаза гостьи загорелись.

– Просто упомяните о ней в разговоре! Джентльмены терпеть не могут, когда идешь им наперекор, но мистер Джернинхем так добр к нам... Ну что вам стоит...

– Хорошо, я попробую, но вряд ли...

– Давайте надеяться на лучшее! Не хочу быть назойливой, но если бы вы нашли время поговорить с Сисси, она бы так обрадовалась!

– Вы думаете? – усомнилась в себе Лайл. Хватит ли ей мудрости и опыта, чтобы давать советы? Что она скажет Сисси? «Вы отдали свое сердце не тому мужчине. Забудьте его, не сожалеете о нем, он не стоит вашей любви. Спасайте то, что еще можно спасти».

Но прислушается ли Сисси? Издалека до слуха Лайл долетел слабый шепот: «То же самое ты можешь сказать себе». Она вздрогнула.

– Сисси переживает?

– Выплакала все глаза, – коротко ответила мисс Коул, вмиг забывшая свое красноречие.

Лайл расстроено прижала руку к щеке.

– Но захочет ли она обсуждать со мной свои горести?

Мисс Коул энергично затрясла головой – вишенки задрезжали.

– Сисси о вас очень высокого мнения, к вам она прислушается. Мне так совестно, что она приходила сюда плакаться насчет Пелла, но разговор с вами запал ей в душу. Уж если девушка кого привлекает, то сроду не станет никого слушать, но, возможно, вам удастся ее убедить?

Лайл встала. Придется согласиться – иначе мисс Коул не отстанет. Будет повод подарить Сисси жакет. Девушка наверняка обрадуется, а сама Лайл избавится от ненужной вещи. Она видеть не могла этот жакет; в ушах стояли ехидные слова Алисии: «Что за безвкусица!»

– Пусть ваша племянница заглянет ко мне вечером. Передайте ей, что у меня для нее кое-что есть.

Мисс Коул встала, схватила сумку, спрятала платочек и пожала Лайл руку.

– Ох, вы сама доброта! – сказала мисс Коул на прощание.

Глава 16

Мисс Коул ушла, и Лайл выглянула в окно. Тень кедра пятнала опустевшие кресла. Если заводить разговор о Пелле, то лучше не откладывать. Должно быть, сейчас Дейл в кабинете. Кабинет давно не использовали для ученых занятий, но по традиции он принадлежал хозяину дома. Так и Лайл не выбирала ни любимую гостиную, ни ненавистную спальню.

Лайл решила пройти в кабинет через оружейную. Потом она спрашивала себя, почему отправилась кружным путем. Пойди она напрямик, все сложилось бы иначе. Не потому ли, что дверь была приоткрыта? Из кабинета не доносилось ни звука.

Лайл заглянула внутрь и увидела спину Дейла, обнимавшего Алисию Стейн. Ее лица Лайл не видела, только край белой юбки и руки, обвившие шею ее мужа. Лайл развернулась и вышла из кабинета.

В гостиной она присела на диван и попыталась собраться с мыслями. Что значит этот поцелуй? Мужчины не придают значения подобным пустякам. Так стоит ли делать из мухи слона? Мир не рухнул от того, что Дейл поцеловал свою кузину. Нет, это был не братский поцелуй, но разве не сама она толкнула мужа в объятия Алисии, когда отвергла его подарок? Алисии оставалось лишь сыграть на его досаде и всколыхнуть старые чувства.

Обостренное чувство справедливости мешало Лайл свалить всю вину на Дейла. Она не станет плакать, не даст сопернице повода ликовать, не покажет ей свое зареванное лицо. Пусть Алисия ее ненавидит; главное, чтобы Дейл ее любил! Он женился на ней, не на Алисии. А значит, Дейл любит ее... Сердце упало. Любит ли?

Прервав ее размышления, в гостиную вошел Рейф.

– Сидишь одна-одинешенька? Везет мне сегодня. Вот с мисс Коул разминулся. Как там поют у нас в деревне? «С милой разминулся я, где ты, милая моя?» Есть и другой вариант: «С милой целовался я, где ты, милая моя?» – Рейф поморщился. – Придет же такое в голову! Как думаешь, мисс Коул долго уламывать? Или она сама бросится мне на шею? – Он упал в кресло и с чувством прочел: – «В тех лобзаниях, что украдкой ночь крадет и дарит ночь, – в них источник боли сладкой, что нет силы превозмочь...» Гейне, перевод мой. Он знал, о чем писал. Интересно, что сказала бы мисс Коул, если бы я продекламировал ей эти стихи?

– Она считает тебя умником, как все деревенские. Сказала бы: «Ну, мистер Рейф, я прямо и не знаю».

Рейф метнул в сторону Лайл пронизывающий взгляд. Ничего от него не утаить. Ну и пусть, это же Рейф. Ему все нипочем. И рядом с ним чувствуешь себя такой же легкой и беззаботной. Рейф, он весь как на ладони, а что скрыто в глубине, никто не ведает. Да и есть ли там что-то, в глубине?

Взгляд Рейфа скользнул по комнате и вернулся к Лайл.

– Тебе никогда не хотелось ничего здесь переделать?

Она удивленно посмотрела на него:

– Здесь? Нет.

Лайл вспомнила разговор с Эйми Мэллем. «Дейл не позволит», – объяснила она гостье свое нежелание что-то менять. Что толку это обсуждать? И она, и Рейф слишком хорошо понимали: устав Тэнфилда нерушим, как законы мидийцев и персов.

Взгляд Рейфа посерьезнел.

– Неужели ты не хочешь жить в комнате, устроенной по твоему вкусу?

– Здесь? – повторила она и добавила: – Здесь – нет.

– Но ты же хозяйка дома! Добавь что-то свое. Хотя бы смени гардины. Эти скоро разползутся по швам.

Лайл покачала головой:

– А по-моему, они отлично подходят этой гостиной.

Рейф нахмурился и стал очень похож на Алисию.

– Такие же древние? А посередине ты, словно сияющий анахронизм. Смотри, вот пианино нашей бабушки. Неукротимый семейный норв – от нее, зато пела как ангел. Этот ковер отец привез из Китая, где служил во флоте, а бабушка подобрала гардины в тон. А эти розочки, чертополох и трилистник вышила сестра моей прапрабабки Агата в год восстания сипаев. Вот, над камином, ее мать в модном платье времен Наполеоновских войн. Этот секретер, между прочим, достался тебе от ее свекрови. А вот и ты, в окружении пережитков прошлого, в своем зеленом льняном платье, чужая в собственной гостиной. Ну не странно ли?

Словно холодные пальцы коснулись кожи. Привычным движением рука Лайл метнулась к лицу. Щека была холодна как лед.

– Перестань! Я ощущаю себя привидением.

Рейф рассмеялся.

– Превосходная мысль! Не нас преследуют древние призраки, а мы, зыбкие и бестелесные, тревожим их жилища.

Лайл побледнела.

– Так и есть. Поэтому я ненавижу Тэнфилд.

Внезапно выражение лица Рейфа изменилось, из насмешливого став грустным. Словно набежавшая туча заставила поверхность воды помутнеть.

– Ненавидишь, знаю, – сказал он резко. – Однако на твоём месте я не стал бы об этом распространяться. Во всяком случае... – Он снова улыбнулся. – Дейлу не говори.

Лайл сжала кулачки на коленях.

– Рейф, ты же не скажешь ему!

Он рассмеялся.

– Значит, сама ты не удосужилась.

– Я и сейчас не осмелилась бы, само вырвалось. Рейф, не говори ему! Ему будет тяжело!

– Подумай лучше о себе, детка. Это тебе будет тяжело, неужели не понимаешь?

– О чем ты?

Лайл видела, как меняется выражение его лица: насмешка, суровость, снова насмешка.

– Ты и впрямь не понимаешь?

Не поднимая глаз, Лайл покачала головой.

Рейф присвистнул.

– А ты не слишком сообразительна, детка. Отсутствует в тебе... м-м, как там у Водсворта? «Размеренность во всем, единство опыта с умом, умение все перенести на трудном жизненном пути...» В этом доме правит Дейл, на мою долю выпали ум и опыт, а ты «венец земных начал... для дома Богом создана»⁸. И если Дейлу не удастся удержать Тэнфилд, тебе не позавидуешь. Теперь понимаешь?

– Да.

– Тогда давай рассуждать здраво. Вряд ли нам удастся всучить правительству еще хоть немного земли. А значит, нужны наличные, так что придется тебе обольстить старого Робсона.

Лайл подняла глаза. Опершись локтем о колено, Рейф обхватил подбородок ладонью и разглядывал ковер, который его отец привез из Китая.

– Я плохая притворщица, – вздохнула она. – Сколько раз пыталась, но он видит меня насквозь.

Брови Рейфа подскочили словно от тика.

– Интересно, как ему удастся? По-моему, ты непрозрачная.

– Знал бы ты, как я стараюсь!

⁸ Уильям Водсворт, «Созданием зыбкой красоты...». – Пер. Э. Шустера.

Рейф дернул плечом.

– Бедное невежественное дитя! Ты и вправду так наивна? Любовь и ненависть не подчиняются нашим желаниям. Робсон раскусил тебя, как и Дейл. А раз уж ты такая глупышка, дай-ка я тебе погадаю.

– Рейф!

Он подался вперед, взял ее ладонь и расправил холодные дрожащие пальцы.

– Вижу темноволосого мужчину и светловолосую женщину...

Против воли Лайл рассмеялась.

– Ты же не на кофейной гуще гадаешь и не на картах! Нужно гадать по линиям – сердца, судьбы...

Пальцы Рейфа сжимали ее запястье. Лайл подумала, что в его руках, таких изящных на вид, куда больше силы, чем у Дейла.

– Перестань болтать, иначе случится что-то ужасное, нельзя мешать заклинанию. Итак, темноволосый мужчина и светловолосая женщина, свадебные колокола, чудесное спасение... Так, а это откуда? Что я вижу, морское путешествие! Ты пересечешь океан и окажешься на другом конце света...

– Ни за что! – вскричала Лайл и попыталась отнять руку.

– Тебе следует прислушаться к советам гадалки. Кроме того, это написано на твоей руке.

Лайл подняла глаза и удивилась выражению лица Рейфа. Все та же хитринка, но и что-то еще... Повинуясь внезапном импульсу, она спросила:

– А нет ли там женщины с темными волосами?

– Хочешь женщину с темными волосами? Хорошо, ты ее получишь. Ее присутствие благоприятствует морскому путешествию.

Краска бросилась в лицо Лайл. Она попыталась выдернуть ладонь из его руки.

– Рейф, я ухожу. Мне не нравится твое гадание. Пусти меня!

Он немедленно разжал пальцы. Лайл встала, пытаясь унять волнение. Рейф молча смотрел на нее снизу вверх.

– Ты хочешь, чтобы я уехала?

– Так будет лучше.

– В Штаты?

– На радость стосковавшемуся семейству.

Ее голос дрогнул.

– Нет у меня никакого семейства.

– А как же твои кузены? По-моему, ты о них упоминала. Новые волнующие встречи! Очарование неизвестности!

Лайл направилась к выходу, но у самой двери остановилась, словно силы внезапно покинули ее, и спросила не оборачиваясь:

– Ты хочешь, чтобы я уехала?

– Да.

– Почему?

– Не все ли равно? Что толку в словах?

Лайл резко обернулась.

– Не понимаю.

Рейф пожал плечами:

– Что тут понимать? Воссоединение семейства, старый добрый дом, рука дружбы, протянутая через океан.

Лайл выпрямилась.

– Я должна уехать?

– Да.

– Алисия останется?

– По-моему, она не прочь.

Лайл вышла, но, прежде чем одолеть четыре ступеньки, ведущие на террасу, оглянулась.

– Плохой из тебя предсказатель, Рейф.

Глава 17

Впоследствии мельчайшие события того вечера были подвергнуты тщательному изучению, их просеивали сквозь сито, изучали под лупой, снова просеивали, снова изучали. Однако тогда никто не заметил ничего необычного.

Сели ужинать в восемь, без двадцати девять встали из-за стола. Рейф и Алисия болтали без умолку. Алисия, необыкновенно привлекательная в ожерелье из зеленых камней, вся светилась от счастья. Дейл пил больше обычного, Лайл делала вид, что ест. Кофе подали на террасе, а без четверти девять Уильям доложил, что пришла Сисси Коул.

Потом Лайл не раз пришлось вспомнить все обстоятельства той беседы, но тогда никто бы не заподозрил в ней ничего необычного. Разговор двух несчастных женщин, только и всего.

Лайл растопила лед, подарив Сисси жакет. Ни одна девушка, даже страдающая от несчастной любви, не способна устоять перед обновкой. Вещи миссис Джернингхем были хорошего качества и превосходного кроя, к тому же она надевала жакет от силы раза три. Блаженно жмурясь, Сисси рассматривала себя в зеркале восемнадцатого века, с позолоченной рамой. Яркие квадраты шли ей еще меньше, чем Лайл, обесцвечивая и без того бледное лицо, делая водянисто-серыми ее голубые глаза, но девушка видела только сам жакет, новехонький, лучший из ее нарядов.

– Ах, миссис Джернингхем, какая красота!

Сисси вывернула жакет наизнанку и аккуратно сложила. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь, особенно этот надутый Уильям, увидел ее в обновке. Но, выйдя из усадьбы, она собралась сразу же набросить его на плечи.

Лайл радовалась, что ей удалось растормошить девушку. Сисси пришла в Тэнфилд явно не по своей воле. Но теперь, прижав подарок к груди, она выглядела вполне довольной.

– Вы так добры ко мне, миссис Джернингхем. Тетя сказала, вы хотели меня видеть.

Вот уж к чему Лайл не стремилась. На сердце лежала тяжесть, в войне с Алисией она терпела поражение за поражением. Однако пришлось взять себя в руки и найти нужные слова.

– Ваша тетя очень за вас переживает.

Сисси фыркнула и вздернула подбородок.

– Никто ее об этом не просил! И если уж на то пошло, не одна она такая чувствительная.

– Вы несчастливы?

Сисси кивнула, сглотнула и выудила носовой платок из складок юбки.

Лайл положила руку ей на колено.

– Не хотите уехать на время? Моя приятельница ищет няню для дочерей: отводить их в школу, забирать после занятий, чинить одежду.

Сисси высморкалась в платок и покачала головой.

– Вам станет легче, если вы уедете из деревни.

– И никогда его больше не увижу? – всхлипнула девушка.

Лайл и сама чуть не расплакалась. Слова Сисси задели ее за живое.

– Разве хорошо продолжать с ним встречаться?

– Нехорошо, – снова всхлипнула девушка, сглотнула, сунула платок в карман и встала, прижимая к груди жакет. – Пора мне. Что проку с разговоров? Спасибо за жакет.

На террасе в одиночестве сидел Рейф. Взглянув на Лайл поверх вечерней газеты, он небрежно заметил:

– Дейл отправился полетать. Алисия повезла его на аэродром. Я намерен прогуляться, а тебе не помешало бы прилечь. Выглядишь неважно.

Лайл отхлебнула из чашки – остывший кофе горчил.

– Полетать? На ночь глядя?

– Сорвался с места, позвонил на аэродром. – Рейф снова уткнулся в газету. – Похоже, мы на пороге войны, детка. «Птички Божии не знают ни печалей, ни хлопот, знай друг друга убивают, без сомнений и забот»⁹. Вот тебе достижения современной цивилизации!

Лайл опустила чашку.

– Сколько Алисия собирается тут жить?

Рейф опустил газету.

– Судя по твоему тону, она загостилась.

– Сколько?

– Слишком долго или не слишком, – небрежно бросил он.

– Что ты имеешь в виду?

Рейф смотрел на нее в упор.

– Хочешь знать?

– Сделай милость.

Рейф поднял брови.

– Будь по-твоему. Итак, ты хочешь, чтобы Алисия уехала. А что мешало тебе прогнать ее на прошлой неделе? Вряд ли у тебя получилось бы, ведь это и ее дом, и с твоей стороны не слишком красиво выживать ее отсюда. К тому же ее не так-то легко выжить. Ты упустила свой шанс, хотя я ставил на Алисию: угрызения совести ей неведомы. Впрочем, что толку рассуждать – прошлого не воротить. Теперь тебе придется ждать, пока ее чары рассеются. Алисия умеет быть обворожительной, и она ни перед чем не остановится, лишь бы заполучить Дейла.

Голос Рейфа пронизывал словно восточный ветер. Лайл казалось, что ее смертельно раненное сердце сочится, но не кровью – что из него медленно вытекали надежды, юность, любовь.

– А когда рассеются ее чары? Не знаю, но этот спектакль не доставит тебе удовольствия.

Рейф встал и подошел к Лайл.

– Ты, кажется, просила совета, детка? Скоро Европа станет весьма опасным местом. Отправляйся в Штаты, пока можно. Если Дейл захочет, последует за тобой; если нет, в Америке легко получить развод.

Глаза Лайл расширились и потемнели. Спустя несколько мгновений она еле слышно прошептала:

– Чем я вам насолила? Почему вы все хотите от меня избавиться?

Его руки легли ей на плечи.

– Нужна еще причина? Разве одной ненависти недостаточно? А ненависть – материя взрывоопасная. Тебе мало знать, что ты здесь лишняя? Уезжай, пока не поздно.

Лайл отшатнулась. Руки Рейфа упали с ее плеч.

– Ты так сильно меня ненавидишь?

Рейф Джернингхем расхохотался.

– Смертельно, детка, – буркнул он и сбежал по ступеням.

⁹ В оригинале Рейф перефразирует первые строки стихотворения Исаака Уоттса «Birds in their little nests agree» из «Божественных песен».

Глава 18

Мисс Мод Сильвер открыла вечернюю газету и некоторое время рассеянно блуждала глазами по заголовкам, пока ее внимание не привлекла неожиданная аллитерация. Статья под названием «Покойница на пляже» сообщала: «Рано утром у подножия скалы в окрестностях Тэнфилд-Корта обнаружили тело молодой женщины. Весьма вероятно, несчастная поскользнулась и упала с обрыва. Живописный мыс Тэйн-Хед обожают любители пикников и влюбленные. Тэнфилд-Корт – поместье мистера Дейла Джернинхема – славится итальянским двориком и коллекцией статуй, привезенных из Италии и Греции в конце восемнадцатого века. Погибшую опознали, ею оказалась мисс Сесилия Коул, племянница местной почтмейстерши».

Мисс Сильвер дважды перечитала короткий абзац. Джернинхем, Тэнфилд-Корт, тело молодой женщины. На миг сердце сжалось, но, кажется, страхи были напрасными. Написано же: «Сесилия Коул – племянница местной почтмейстерши...» Статья, способная вызвать у праздного читателя минутное сожаление о печальной участи девушки.

Мисс Сильвер перешла к статье о гигантском подсолнухе, который вырастили в Корнуолле. Подумать только, семнадцать футов в высоту. Мелкие черты мисс Сильвер исказились гримасой легкого недоверия. Корнуолл не ближний свет.

Раздался звонок. Мисс Сильвер неспешно сложила газету, поместив ее на письменном столе слева, а правой, свободной, рукой сняв трубку. Женский голос звучал глухо, словно изда-лека.

– Могу я поговорить с мисс Сильвер?

– Слушаю вас.

– Мисс Мод Сильвер?

– Да. Представьтесь, будьте любезны.

Наступила пауза, затем в трубке раздался нерешительный голос:

– Вы дали мне карточку в поезде, вернее, на платформе, вряд ли вы помните...

– Отнюдь. Чем могу быть полезна, миссис Джернинхем? – участливо осведомилась мисс Сильвер.

Ее бодрый тон успокоил Лайл Джернинхем, звонившую из телефонной будки в Ледлинг-тоне.

– Могу я приехать завтра? Тут кое-что случилось...

Мисс Сильвер кашлянула.

– Да, я читала вечернюю газету...

– Тогда вы понимаете... – Лайл запнулась. – Мне нужен совет, я больше так не могу, я не знаю, что делать...

– Приезжайте, и мы все обсудим. В половине двенадцатого вас устроит? Не слишком рано? И помните, из любой ситуации есть выход, а две головы всегда лучше одной. Буду ждать вас в половине двенадцатого.

Лайл вышла из будки. Хорошо хоть, не придется самой вести машину. В тумане страха и горя, поглотившем ее, Лайл различала две четкие мысли: ей нужен совет, однако обращаться к мистеру Робсону – значит, предать Дейла, поэтому совет должен исходить от постороннего.

Не сказав никому, что уезжает, Лайл спустилась в гараж и попросила Эванса отвезти ее в Ледлингтон. Телефонную линию Тэнфилд-Корта обслуживал коммутатор в почтовом отделении Тэнфилда, и Лайл не стала звонить из дома, не желая причинять лишнюю боль мисс Коул.

Пора было возвращаться – полицейскому инспектору требовалось взять показания со всех, кто видел Сисси в тот вечер. Но кто мог видеть ее, кроме Лайл и дворецкого Уильяма, впустившего гостью? А что они могут сказать? Бедняжка Сисси, она так горевала о недостой-

ном возлюбленном. В Англии нет закона против негодяев, разбивающих девичьи сердца. И зачем полиция ищет Пелла? Он же на аэродроме...

Эти мысли мелькали в голове Лайл, пока Эванс вез ее в Тэнфилд.

В прихожей Лайл наткнулась на Рейфа. Со вчерашнего вечера, когда они расстались на ступеньках террасы, Лайл не видела Рейфа. Он налетел на нее, забыв поздороваться:

– Где ты была? Инспектор пришел. Хотел тебя видеть.

– Он звонил. Я сказала, что ненадолго отлучусь. Где он?

– В кабинете. С Дейлом.

– С Дейлом?

– Инспектор захотел опросить всех без исключения.

– Но зачем?

– Кто его знает.

Лайл побелела как полотно: пепельные волосы под белой повязкой, белый лен платья, молочная белизна шеи и щек. Бледность и неподвижность – словно вместе с красками из тела ушла жизнь – делали ее похожей на одну из мраморных статуй холла.

Рейф и Лайл молча стояли рядом, не сводя глаз с двери.

Глава 19

Дейл Джернинхем сидел за столом напротив инспектора Марча. По долгу службы Марч хорошо знал Тэнфилд и его владельца, оставаясь для мистера Джернинхема безымянным незнакомцем.

Инспектор с официальным видом устроился в хозяйском кресле, перед ним лежал раскрытый блокнот. Сильные красивые пальцы сжимали шариковую ручку. Марч и сам был на редкость привлекателен: высокий статный мужчина с ясными голубыми глазами и выгоревшими светлыми волосами. Безупречный акцент выдавал выпускника частной школы.

– Мистер Джернинхем, буду признателен за любую помощь. Этот механик, Пелл, работал на вас?

– Да, – ответил Дейл.

– Две недели назад вы его уволили?

– Даже раньше.

– Без предупреждения?

– Я выплатил ему жалованье за месяц вперед.

– Почему вы его уволили?

Развалившись в кресле, Дейл спросил с небрежным высокомерием:

– А почему работников увольняют? Он перестал меня устраивать.

В своем кабинете мистер Дейл Джернинхем мог умничать сколько угодно, но на суде ему придется выложить все начистоту.

– У вас есть право не делать заявлений до начала расследования, – строго заметил инспектор Марч.

Дейл нахмурился. Удар достиг цели.

– Я не собираюсь ни в чем препятствовать следствию.

Мистер Джернинхем умел держаться крайне заносчиво. Инспектор усмехнулся про себя.

– Благодарю вас. Уверен, вы понимаете: любая информация о Пелле полезна следствию.

Дейл кивнул:

– Разумеется. Я уволил Пелла из-за девушки. Его работа меня устраивала, Пелл – превосходный механик.

– Мисс Коул попросила вас уволить Пелла?

– Нет, она бы не посмела. Мисс Коул расстроилась, прослышав, что в Пэкхеме у Пелла осталась жена. Коулы – наши арендаторы с незапамятных времен, и я счел своим долгом вмешаться. Я заплатил Пеллу и велел убраться подобру-поздорову.

– Вам известно, что Пелл нашел работу на аэродроме?

Дейл пожал плечами:

– Меня это не касается, но я не удивлен. Повторюсь: он превосходный механик.

– Мисс Коул больше к вам не обращалась?

Дейл покачал головой.

– Вчера она приходила к моей жене.

– Вы с ней разговаривали?

– Нет.

– А с ее племянницей, Сисси Коул?

– Нет.

Инспектор откинулся в кресле. Кажется, мистер Джернинхем понемногу разговорился, но слова по-прежнему приходилось вытягивать из него клещами.

– Расскажите, как вы провели остаток вечера.

– Моя кузина леди Стейн отвезла меня на аэродром. Я собирался полетать.

– В какое время вы ушли?

– Примерно в десять минут десятого.

– Мисс Сисси Коул оставалась в доме?

– Понятия не имею. Мы пили кофе на террасе, когда жену позвали, и до нашего ухода она не вернулась.

– Возможно, вы видели, как Сисси уходила? Или встретили ее позднее?

– Нет.

– Вы сразу поехали на аэродром?

– Стоял превосходный вечер, и мы немного покатались.

– В направлении мыса Тэйн-Хед?

– Да, в ту сторону.

– Вы выходили из машины?

Дейл замялся.

– Видите ли, инспектор...

На него смотрели внимательные умные глаза.

– Машину леди Стейн видели у тропинки от Берри-лейн к мысу, – спокойно сказал Марч. – Надеюсь, вы понимаете, как важно знать, кто еще был там вчера вечером. Как долго вы гуляли?

Дейл выпрямился.

– Не знаю, недолго.

– Сразу поднялись на мыс?

– Кажется, да.

– Кого-нибудь встретили?

– Какие-то дети шли по дороге.

– Больше никого?

Дейл молчал.

– Мистер Джернингем, если вы кого-то видели, ваш долг сообщить об этом следствию.

Какое-то время Дейл раздумывал и наконец решил:

– Не знаю, что и сказать... Дело может принять такой оборот... Я видел Пелла.

Инспектор пристально взглянул на собеседника:

– Где?

– Он спустился по тропинке мимо нас, забрался на мотоцикл и уехал.

– В какое время?

– До десяти. Еще не стемнело.

– Он вас заметил?

– Не думаю, но мы его видели.

Инспектор Марч задумался. Пелл на мотоцикле вполне мог подбросить Сисси до ворот Тэнфилд-Корта или до поворота к усадьбе. Ему хватило бы времени довезти ее до мыса. И даже...

– Где стоял его мотоцикл? – спросил он резко.

– На тропинке.

– Далеко от дороги?

– На полпути к мысу.

– Пелл спешил?

– Несся не разбирая дороги. Вскочил на мотоцикл и укатил.

Инспектор записал что-то в блокнот.

«Что ж, *ce n'est que le premier pas qui cote*¹⁰. Сначала молчит как рыба, выгораживая этого бедолагу, а потом радостно предлагает мне веревку, чтобы его повесить», – подумал Марч, а вслух спросил:

- А девушку вы не видели?
 - Нет.
 - И не слышали ее крика?
 - Нет, ничего такого. На мысе всегда кричат чайки.
 - Куда вы отправились потом, мистер Джернингхем?
 - Поднялись на утес.
 - Ничего необычного не заметили?
 - Ничего.
 - В какое время вы приехали на аэродром?
- Дейл откинулся на спинку кресла.
- Около одиннадцати.

¹⁰ Труден лишь первый шаг (*фр.*).

Глава 20

– А теперь я хотел бы поговорить с леди Стейн. – Инспектор Марч встал и подошел к звонку.

Дейл остановил его:

– В этом нет необходимости – я сам ее позову. Думаю, она на террасе.

В ответ Дейл получил прямой острый взгляд.

– Я прошу вас остаться здесь до ее прихода, – сказал он и нажал на кнопку.

– Как скажете. – Дейл подошел к окну и отвернулся.

Выслушав распоряжение инспектора, Уильям удалился.

Спустя некоторое время в кабинет вошла Алисия Стейн. Она перевела взгляд с инспектора, который стоял у стола, на Дейла. Тот двинулся ей навстречу.

Хорошенькая и выглядит моложе своих лет, подумал инспектор. Обнаженную шею и плечи леди Стейн покрывал ровный загар, белое платье подчеркивало изящную фигурку. Щеки Алисии нежно алели, глаза сияли. Инспектор отметил, как они с Дейлом похожи.

– Я вас не задерживаю, мистер Джернингем. Садитесь, леди Стейн.

Не дойдя до двери, Дейл обернулся:

– Мне пришлось рассказать инспектору Марчу о Пелле. Мы видели его около десяти, не так ли?

Алисия грациозно опустилась в кресло. Казалось, она обдумывает слова Дейла.

– Наверное. А это важно?

– Пока не знаю, – сказал инспектор. – Мистер Джернингем, мне бы хотелось услышать мнение самой леди Стейн.

– Да-да, простите, – буркнул Дейл и вышел в коридор.

Марч уселся за стол, взял ручку.

Алисия зажгла сигарету. Ловким и точным броском швырнув спичку в корзину, она проворковала:

– Ужасное происшествие, не правда ли? Бедняжка Дейл весь извелся.

– Неужели?

Алисия взмахнула сигаретой.

– Все это так неприятно. Дейл не мог надышаться на этого Пелла, уверял, что он лучший механик на свете. Дейл помешался на полетах, собирался завести собственный самолет, а Пелла взять в механики. Наверное, он и впрямь хорош в своем деле. Вы до сих пор его не поймали?

– Пока нет. Вы знали Сисси Коул?

Алисия затянулась, выпустив облако дыма.

– Как и всех в деревне. Я здесь выросла, до замужества жила в этом доме. Не удивляюсь, что Дейл вышвырнул Пелла. Триста лет Коулы принадлежали Тэнфилду, а Дейл – настоящий феодал. Обидеть вассала – все равно что обидеть хозяина. Пелл мог преспокойно изменять жене в любой другой деревне, но не в Тэнфилде.

Марч кивнул.

– Вы сказали, что знали Сисси Коул с детства. С тех пор вы встречались?

– Время от времени. Я покупала у нее почтовые марки, когда ее тетя была занята; при встрече мы здоровались, только и всего.

– Она рассказывала вам о своей связи с Пеллом?

– Только этого мне не хватало! – Алисия замолчала, потом добавила: – Она разговаривала с Лайл, с миссис Джернингем. Я здесь всего лишь гостья.

– Понятно. А теперь расскажите, что вы делали вчера между девятью и одиннадцатью вечера.

Алисия откинулась на спинку кресла, отвела в сторону руку с сигаретой и задумчиво промолвила:

– С девяти до одиннадцати? Дейл позвонил на аэродром... полагаю, было около девяти... Мы сели в мою машину и поехали к скалам.

– К Тэйн-Хед?

– Да.

– Сколько вы там пробыли?

– Не помню, но на аэродром мы попали к одиннадцати. – Алисия рассмеялась. – А знаете, инспектор, со стороны это выглядит весьма компрометирующе. Газетчики своего шанса не упустят. Нет, что за невезенье! Мы с самыми невинными намерениями отправляемся на прогулку в скалы, не подозревая, что придется давать показания. Людям только дай волю – вообразят самое невероятное. Дейл сыт этим по горло.

Кажется, эта история ее от души забавляет, подумал инспектор Марч. Она вдова, Джернинхем женат. Интересно, что думает об этих родственных прогулках в скалах миссис Джернинхем?

Инспектор спросил леди Стейн о Пелле и нашел ее ответ весьма уклончивым. Стоял ясный вечер, в скалах темнеет поздно. Пелл спустился с горы, оседлал мотоцикл и был таков. Заметил ли он их? Возможно, они стояли рядом с тропинкой. Да, примерно без четверти десять. Нет, никаких криков она не слышала, а к краю обрыва никогда не подходит. Да, какие-то дети шли по дороге на Берри-лейн.

– Вы пробыли на мысе до без четверти одиннадцать?

– Наверное. До аэродрома пятнадцать минут езды.

– Вы бы заметили на мысе Сисси Коул?

– Возможно, но мы ее не заметили.

– Тогда я спрошу иначе: могла она находиться там незамеченной?

– Почему бы и нет. Вам знакомы эти места? Спуски, подъемы, заросли ежевики и утесника.

– А света хватало?

Алисия затянулась и выпустила дым.

– Смотря для чего. Пелла мы заметили раньше, чем он с нами поравнялся, но узнали, только когда он подошел совсем близко.

– Понятно, – сказал Марч. – Вы не отходили от мистера Джернинхема?

– Вы намерены меня скомпрометировать? – рассмеялась Алисия.

– И все же ответьте.

– А что сказал Дейл? Пытаетесь поймать меня на слове, инспектор? Придется быть настоящим. Разумеется, мы не брели, взявшись за руки. И я не стану утверждать, что всю дорогу не сводила с Дейла влюбленных глаз – вы же не ожидаете, что я так легко себя разоблачу? Вряд ли вы наивно полагаете, будто мы сидели каждый под своим кустом в полумиле друг от друга. А если вы такой догадливый, стоит ли озвучивать вслух ваши догадки?

Алисия отбросила окурок – снова точно в цель – и одарила инспектора чарующей улыбкой.

– Дейл и впрямь расстроен. Нам нечего скрывать, но его жена способна устроить сцену из-за газетной статейки, да и деревенским только дай посудачить. Повторяю, Дейл – настоящий феодал и больше всего на свете боится пересудов. – Алисия встала. – Кто следующий? Лайл? Вот с кого вам следовало начать.

– Вы правы, – не стал спорить инспектор Марч. – Будьте любезны, пригласите миссис Джернинхем в кабинет.

Глава 21

Пока Марч опрашивал Дейла и Алисию, Лайл и Рейф стояли в холле. Они не сдвинулись с места, когда хмурый как туча Дейл прошел мимо.

На лице Алисии, напротив, играла улыбка.

– Этот Марч приятный малый. Все-таки хорошее образование – великая вещь. Сокрушался, что мы с Дейлом не заметили, как Пелл столкнул Сисси с обрыва.

Алисия взяла Рейфа под руку.

– Где Дейл? Нужно сверить наши показания. Кстати, Лайл, полицейский хотел тебя видеть.

Кабинет Дейла рождал неприятные воспоминания. Она снова видела руки Алисии, обнимающие Дейла за шею. Кажется, со вчерашнего дня прошла целая вечность. Усилием воли она прогнала грустные мысли.

Как примерная хозяйка, Лайл пожала инспектору руку и опустилась в кресло с таким серьезным и торжественным видом, словно приготовилась отвечать урок.

Марч удивился ее бледности.

– Миссис Джернингем, мне известно, что вчера вечером вы разговаривали с Сисси Коул, – сказал он.

– Да, это так.

«Приятный голос, – подумала Лайл, слегка расслабившись, – кажется, он добрый человек».

– А ее тетя, старшая мисс Коул, приходила к вам в обед?

– Да.

– О чем вы беседовали?

– Она переживала из-за племянницы и... Пелла. Хотела, чтобы Пелла выгнали с аэродрома, просила поговорить с мужем. Я сказала, что он не станет вмешиваться.

– Продолжайте, миссис Джернингем.

Лайл опустила глаза.

– Мисс Коул была очень расстроена. Уверяла, что Пелл не дает Сисси проходу. Когда я сказала, что муж не станет вмешиваться в дела Пелла, она попросила меня поговорить с племянницей, и я согласилась. Не смогла ей отказать.

– Сисси пришла вечером. В какое время?

– Мы встали из-за стола без двадцати девять. Уильям подал кофе на террасе, но я не успела допить чашку.

– Стало быть, без четверти девять?

– Да, вероятно.

– А когда Сисси ушла?

Лайл задумалась.

– Довольно быстро, спустя четверть часа. Я отвела ее в свою комнату, подарила жакет, потом мы поговорили, минут пятнадцать – двадцать, не больше.

– Значит, она ушла в пять минут десятого?

– Да.

– А вы вернулись на террасу допить кофе?

Лайл вздрогнула.

– Вернулась, но там было холодно.

– Ваш муж и леди Стейн сидели на террасе?

– Нет, они уехали на аэродром.

– Хорошо, а теперь, миссис Джернинхем, расскажите мне о вашем разговоре с Сисси – все, что вспомните, любую мелочь.

Лайл подняла глаза, серые печальные глаза, обрамленные длинными ресницами. И глаза, и ресницы казались темнее на фоне белоснежной кожи, придавая Лайл скорбный вид. Она начала с рассказа о жакете:

– Он совсем новый. Я решила, что для меня жакет слишком яркий, а Сисси любила яркие вещи, вот я и подумала, что он придется ей по нраву...

– Красно-зеленая клетка на желтом фоне? Ваш жакет был на Сисси, когда она упала с обрыва.

Марч видел, как Лайл вздрогнула, но не отвела взгляда.

– Как приняла Сисси ваш подарок? Я должен понять, что было у нее на уме. Возможно, вы и Пелл разговаривали с ней последними.

Рука Лайл поползла к щеке, где и осталась.

– Я постараюсь. – После небольшой паузы Лайл продолжила: – Кажется, жакет ей понравился. Сисси долго разглядывала себя в зеркале, затем свернула жакет и прижала сверток к груди.

– Она ушла не в жакете?

– Нет, было довольно жарко.

– Возможно, Пелл поджидал *ее* на мотоцикле. Сисси могла набросить жакет после.

Рука упала, на щеке Лайл осталась крохотная красная отметина.

– Пелл ждал *ее*? – удивилась она.

– Мы не уверены. Его видели на мотоцикле у Тэйн-Хед.

Кажется, она слышит об этом впервые, отметил инспектор Марч. Дейл Джернинхем куда откровеннее с кузиной, чем с женой.

– Пелла видели в скалах, одного, без Сисси. Что она рассказала вам о нем?

Лайл вздохнула.

– Сисси не любила откровенничать. Призналась, что несчастна. Я спросила, не хочет ли она ненадолго уехать, предложила подыскать ей работу.

– А что она?

Отметина на щеке выцвела, и лицо Лайл снова стало белым как полотно.

– Сказала, что не может уехать, что не в силах расстаться с Пеллом.

В ушах Лайл стояла фраза Сисси: «И никогда его больше не увижу?» Лайл боялась, что голос предательски дрогнет, поэтому выбрала другие слова.

– Что еще, миссис Джернинхем?

– Я сказала, что ничего хорошего из ее отношений с Пеллом не выйдет, и она не стала спорить. На прощание поблагодарила за подарок и ушла.

– И это все?

– Да, это все.

Инспектор Марч откинулся на спинку кресла.

– Не кажется ли вам, миссис Джернинхем, что Сисси была на грани самоубийства? Она призналась, что несчастна, но несчастье несчастьем рознь. Как вы считаете, могла Сисси решиться на самоубийство?

Впервые на лице Лайл проступил румянец. Это было похоже на выздоровление очень красивой больной.

– Нет, только не после нашего разговора!

Марч расплылся в улыбке:

– Вы так уверены?

– Видите ли, Сисси понравился жакет. По-моему, он не особенно ей шел, но скроен жакет отлично, а Сисси разбиралась в шитье. Думаю, у нее никогда не было такой красивой вещи.

Во время разговора она прижимала жакет к себе. Девушка, которая собирается свести счеты с жизнью, не станет так себя вести, правда?

– Не знаю, возможно. Она могла поссориться с Пеллом на мысе и броситься со скалы. Сисси была нервной девушкой?

Лайл покачала головой:

– Вот уж нет. Тихая, но упрямая, себе на уме. Такая уж если что вобьет себе в голову, ничем не вышибешь. Нет, Сисси не буйствовала, просто тихо плакала.

– Вы хорошо ее знали?

– Да, она часто шила для меня.

Голос дрогнул. Сисси шьет... Сисси, глотая слезы, рассказывает о Пелле... Сисси лежит на камнях у подножия Тэйн-Хед.

Словно прочтя ее мысли, Марч спросил:

– А раньше она рассказывала вам о Пелле?

– Довольно часто. Мы думали, у него честные намерения. Сисси очень любила Пелла. А когда узнала, что он женат, сразу пришла ко мне и все рассказала. Боялась, что я стану ее осуждать, бедная девочка.

– Она когда-нибудь заговаривала о самоубийстве?

– Нет, что вы! Сисси была мягкой, тихой, пусть и не самой смысленной девушкой. Отличной портнихой. Не могу представить ее взволнованной или озлобленной. Если бы она поссорилась с Пеллом, то не побежала бы к обрыву, а села бы в уголке и вволю выплакалась.

Лайл понимала, что пытается выгородить Сисси, которая уже не могла себя защитить. Она раздумянулась, серые глаза потемнели. Ей не сразу пришло в голову, что, выгораживая Сисси, она невольно обвиняет Пелла. От ужаса Лайл на миг прикрыла глаза, а открыв их, встретила внимательный взгляд Марча.

– Спасибо, миссис Джернинхем, – произнес он мягко. – А теперь давайте вернемся ко вчерашнему вечеру. Значит, Сисси ушла от вас сразу после девяти?

– Да.

– А где был мистер Рейф Джернинхем?

– Дома, где ему быть?

– Вы провели вечер вместе?

– Нет, он решил прогуляться, а я пошла спать. Я валилась с ног от усталости.

Инспектор подумал, что эта высокая хрупкая женщина и сейчас выглядит утомленной. Казалось, только усилием воли она заставляла себя держать спину прямо. Изящная белокурая головка гордо сидела на плечах. Этот допрос был для нее испытанием, и она принимала его со всем достоинством и чистотой юности.

– Боюсь, я утомил вас, миссис Джернинхем, – сказал инспектор. – Не будете вы так любезны пригласить мистера Рейфа Джернинхема? Я не задержу его надолго.

Глава 22

Инспектор Марч открыл дверь для Лайл и смотрел, как она не спеша идет по коридору, такая слабая и такая хрупкая. Лайл Джернинхем было далеко до самоуверенной леди Стейн. Немного любви и тепла – и она расцветет, станет желанной, нежной, сильной.

Лайл подошла к Рейфу Джернинхему, передала просьбу инспектора и удалилась.

Рейф проводил ее взглядом и вошел в кабинет.

Как и Лайл, он по-дружески приветствовал инспектора, но не сел в кресло, а стал спиной к камину. Над головой Рейфа хмурил брови портрет Джернинхема – главного судьи Англии. Пурпур мантии со временем приобрел тусклый оттенок догорающих углей, но насупленная гримаса обещала исчезнуть не раньше, чем выцветет холст.

Инспектор развернул кресло к камину, чтобы лучше видеть собеседника. Его встретил суровый взгляд карих глаз судьи. Если кто из потомков и унаследовал эти глаза, то, несомненно, Дейл. Однако смуглая кожа, особенно заметная на фоне седого парика, досталась не только ему, но и Алисии с Рейфом. Зато руки, сжимавшие свиток, были точной копией рук Дейла Джернинхема.

Проследив взгляд инспектора, Рейф расхохотался.

– Старый злодей повесил бы меня без суда и следствия. Как жаль, что те дни миновали! Раньше вы б и шагу не ступили без тисков и дыбы. Ныне жизнь слуги закона скучна и однообразна.

Марч улыбнулся.

– Я прекрасно обхожусь без тисков и дыбы. Впрочем, мне от вас не так много нужно. Скажите, как вы относились к Пеллу в те времена, когда он работал на мистера Джернинхема?

Рейф стоял в непринужденной позе, поставив ногу на каменную ограду камина.

– Мы нечасто пересекались – я, видите ли, и сам представитель трудящихся масс. У меня есть машина, но в тех случаях, когда я не справляюсь сам, мне помогает Эванс. Или вам нужен его портрет?

– Если не возражаете, – согласился инспектор, справедливо полагавший, что художник редко бывает беспристрастен к своей модели.

Рейф пожал плечами.

– Коренастый, приземистый, крепкий – сами понимаете, отнюдь не Дон Жуан. Говорят, что он превосходный механик. Черноволосый, светлоглазый, вечно перепачканный машинным маслом и бензином. Забавно, Эванс тоже весь день торчит в гараже, а на нем ни пятнышка. Ума не приложу, что Сисси в нем нашла. Наверное, собираясь на свидание, Пелл прихорашивался.

– А характер?

– При мне он никак его не проявлял, но ведь мы почти не общались. Угрюмый, молчаливый... хотя, если верить Дейлу, лучший механик на свете.

– Благодарю вас, – сказал инспектор Марч, сделавший вывод, что Рейф Джернинхем недолюбливал Пелла. – А девушку вы хорошо знали?

– Я помню ее ребенком, иногда встречал в деревне, но мы не были знакомы.

– Она не говорила с вами о Пелле?

– Нет. Сисси Коул доверяла свои тайны одной Лайл.

– За все эти годы у вас не могло не сложиться представления о ее характере. Могла Сисси свести счеты с жизнью из-за несчастной любви?

Рейф пожал плечами:

– Трудно сказать. Любой способен на самоубийство, если его подтолкнуть. Откуда мне знать, как сильно ее подтолкнули.

Слова Рейфа произвели впечатление на инспектора Марча.

– Опишите ее, – очень серьезно сказал он.

Рейф нахмурился, на миг приобретя сходство с портретом на стене.

– Тощая дылда, робкая, бесхарактерная. Такие в детстве ходят с заложенным носом и вечно хнычут, но в глубине души упрямы и неуступчивы.

– Она могла броситься со скалы?

– Откуда мне знать?

Инспектор взял в руки блокнот, снова положил его на стол и спросил:

– Расставшись с миссис Джернингем, куда вы направились?

Рейф выпрямился, небрежным движением перевернул ремешок часов и сказал:

– Прошелся по пляжу.

– В какую сторону?

– Вокруг залива.

– В направлении Тэйн-Хед?

Рейф улыбнулся.

– Я и забыл, что вы не местный. Если идти по пляжу, непременно дойдешь до Тэйн-Хед.

– Сколько времени на это потребуется? – быстро спросил инспектор.

– Зависит от того, – с улыбкой ответил Рейф, – с какой скоростью вы идете.

– А сколько времени это заняло у вас вчера?

– Вчера я повернул обратно с полпути. Увы, свидетель из меня никудышный. Иначе я знал бы наверняка, убийство это или самоубийство. А возможно, и не знал бы. Я ведь понятия не имею, где именно Сисси упала с обрыва. В некоторых местах скалы сильно выдаются над берегом.

– Вас точно там не было? – прямо спросил инспектор.

С усмешкой на лице Рейф Джернингем легкой походкой подошел к столу.

– Совершенно уверен.

Взгляд Марча снова стал подозрительным.

– Сколько времени обычно занимает у вас прогулка до Тэйн-Хед?

Рейф серьезно ответил:

– По дороге четыре мили, итого минут десять на машине или больше часа пешком. Если по пляжу, то мили две. Мне хватит сорока пяти минут.

– Это я и хотел услышать. Вчера вечером вы повернули обратно с полпути?

– Примерно.

– Еще не стемнело?

– Да, я вернулся засветло.

– Около половины десятого?

– Возможно, и позже, но я не смотрел на часы.

– Вы видели скалы? Рассмотрели бы вы людей на мысе?

– Думаю, да.

– Вы кого-нибудь там видели?

– Ни души.

– Возможно, вы что-то слышали – до того как повернули к дому?

– Боюсь, что нет. Плохо дело? Каким идеальным свидетелем я стал бы, обогни я бухту пешком в темноте! Как-нибудь попробуйте – и поймете, почему я вернулся.

– В какое время вы вернулись?

Рейф вынул руки из карманов и взял со стола линейку.

– И снова незадача! Если б я знал, что это важно, непременно посмотрел бы на часы. Вечно так с убийствами, да и с самоубийствами тоже – никогда не угадаешь, когда они свалятся тебе на голову. Знай я, что эта несчастная собирается учинить с собой такое, заметил бы точное

время. Вместо этого я без толку шлялся по окрестностям, сидел на берегу... до... даже не знаю, как долго...

– До полуночи? – спросил инспектор.

– Возможно, – ответил Рейф.

Глава 23

Лайл присела на скамью в укромном углу сада, защищенном живой изгородью и зарослями боярышника, откинулась на спинку и вздохнула. Бледно-голубое небо сияло в солнечных лучах, кругом цвели рододендроны, азалии, жасмин, сирень и лилии. Чашечки эукрифии, похожие на цветы апельсина, сияли белизной. Ниже по склону росли сосны и дубы: золотистые, серебряные и темно-зеленые. Нежно шелестели белые с розоватыми прожилками листья клена. В воздухе не было ни ветерка, но прозрачные кленовые листья всегда волновались – как и море, беспокойное, мерцающее, повинующееся лишь собственным законам.

Лайл растворилась в природе, наслаждаясь солнцем и ароматами зелени, и не заметила, как уснула. Разбудил ее Дейл, заслонивший солнечный свет. Лайл не сразу поняла, откуда возникла тень. Дейл отодвинулся, и солнце снова упало на руки и грудь сквозь ветви старого боярышника.

Дейл не присел рядом с женой. Он стоял и хмуро смотрел на Лайл, словно хотел заговорить, но не находил слов.

– Что случилось? – пробормотала Лайл. В следующую секунду сна как не бывало.

– Нам нужно поговорить, – сказал муж. – Это расследование выводит меня из себя. Ты должна мне помочь.

– Помочь? – Лайл слегка покраснела.

– Ради Бога, проснись и перестань ребячиться! – раздраженно воскликнул Дейл грубее, чем хотел. – Хуже всего, если пойдут слухи. Где ты пропадала? Я собирался поговорить с тобой до Марча. Что он сказал тебе? Что ты ему сказала?

Она не ответила.

Молчание Лайл бесило Дейла, он еле сдерживался, чтобы не сорваться.

– Что ты ему сказала? – повторил он.

Лайл упрямо молчала.

Нет, с ней так нельзя, зря он не смягчил голос.

– Инспектор хотел знать, – ответила Лайл обиженно, – что сказала Сисси и способна ли она по собственной воле расстаться с жизнью. Я ответила, что нет.

– И это все?

– Все.

– Откуда ты знаешь, что Сисси не способна на самоубийство? – От ярости голос Дейла срывался. – Эта бесхарактерная...

– Нет, – перебила его Лайл, – Сисси была не такая.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Она обрадовалась подарку. Кажется, инспектор понял, что я имела в виду. Если девушка способна радоваться обновке, она не настолько отчаялась, чтобы броситься со скалы.

Внезапно выражение его лица изменилось. Дейл упал на скамью рядом с Лайл и схватил ее за руки.

– Этот чертов жакет! Зачем ты его отдала? Ты не представляешь, что я пережил, когда увидел его окровавленным! Подумать только, твой жакет!

– Дейл!

Он прижал ее пальцы к своей щеке и начал покрывать их поцелуями.

– О, Дейл!

– На мгновение я решил, что это ты лежишь под скалой!

– Почему я? – ровным голосом спросила Лайл.

Дейл обнял ее за плечи.

– Игра воображения. Разве с тобой такого не бывает? Я чуть с ума не сошел. Мне не нравится, что ты отдаешь свои вещи чужим.

Лайл чуть не расхохоталась.

– Но куда их девать?

– Сожги.

– Дейл, какая расточительность. Я так не могу.

– Забудем об этом несчастном жакете! Ты готова мне помочь?

– Что я должна сделать? – с беспокойством спросила Лайл.

Внезапно Лайл захотелось, чтобы Дейл отпустил ее, но муж крепко обнимал ее за плечи.

– Ты знаешь, что в тот вечер Алисия повезла меня на аэродром?

– Знаю.

– Было слишком рано для ночного полета, и мы поехали к скалам. В детстве мы всегда устраивали там пикники. Алисии захотелось полюбоваться закатом. Сисси мы не встретили, зато видели Пелла, который очень спешил. Теперь нам придется давать показания в ходе расследования, а если Пеллу предъявят обвинение в убийстве, то и в суде. Мы добрались до аэродрома только к одиннадцати, и теперь каждую секунду нашей прогулки будут рассматривать под лупой. Представь, что подумают! Только ты способна заставить сплетников умолкнуть. Мы должны всюду появляться вдвоем: ты, я и Алисия, – а нам с тобой придется изображать новобрачных. И когда все увидят, что вы с Алисией подруги, никому не придет в голову сочинять про нас с ней небылицы.

Лайл отодвинулась от мужа. Его рука опустилась на спинку дубовой скамьи.

– Алисия – моя подруга?

Дейл выпрямился, кулак со стуком упал на сиденье.

– Что ты хочешь сказать? Алисия – моя кузина, как и твоя.

Неожиданно для себя Лайл выпалила:

– Ты влюблен в нее?

– Ты с ума сошла!

– Вчера, в кабинете, я вас видела...

Кровь бросилась Дейлу в лицо. Он выглядел таким ошеломленным и беспомощным, что сердце Лайл дрогнуло.

– О чем ты говоришь? – воскликнул он сердито.

Лайл съежилась под тяжестью его гнева.

– Ты любишь ее?

– Я не знаю, что ты себе вообразила!

– Я видела, как вы целовались, – тихо, но твердо сказала Лайл. – Алисия обнимала тебя за шею. После ухода Сисси я искала тебя, чтобы попросить... Глупости, теперь это не важно.

– Вот именно! Глупости, от начала до конца. – Дейл взял ее руку в свою. – Дорогая, прости меня, я так виноват перед тобой. Меньше всего на свете я хотел тебя обидеть. Мы с Алисией не любовники, готов поклясться, но мы с детства привязаны друг к другу. Она так импульсивна! Уговаривала меня взять ее с собой на аэродром, я не соглашался, а потом уступил. На радостях она бросилась мне на шею. И нужно тебе было заглянуть в кабинет как раз в эту минуту! Прости меня. Давай не будем ссориться.

Он улыбнулся и привлек ее к себе.

Холодный шепоток, словно порыв ветра, пронзил Лайл: «Ложь, это был не братский поцелуй, он лжет».

Ей так хотелось поверить Дейлу! Лайл охватило непреодолимое желание выплакаться в объятиях мужа, но она устояла перед искушением.

Пусть она устала и напугана, но она не сдастся. И какие бы испытания ни ждали впереди, Лайл хватит мужества встретить их с открытыми глазами. Ее не одурманят ложью. В памяти всплыла строчка: «Я встречу смерть лицом к лицу»¹¹.

Она выпрямилась и просто сказала:

– Я сделаю все, что смогу. Чего ты хочешь?

– Ничего особенного, дорогая. Впрочем, ты все равно расстроишься. Мы вместе наведем мисс Коул. Думаю, она оценит нашу заботу.

Лайл встала со скамьи почти с облегчением. Ее физические и душевные силы были на исходе. Даже предстоящий визит к мисс Коул не мог сравниться с этой мукой. Море, небо, трава и цветы, славящие Господа, Дейл, не сводящий с нее влюбленного взгляда... Еще полгода назад Лайл считала себя счастливейшей из женщин. Теперь сердце сдавила невыносимая тяжесть.

¹¹ Роберт Браунинг, «Prospice».

Глава 24

Они отправились в деревню пешком, рука в руке. Дорога до почты заняла немало времени: Дейл останавливался на каждом шагу, обсуждая с местными жителями – юной миссис Крисп, внучкой старого Обадаи, его старшей дочерью Эгги, с миссис Купер и миссис Мэггс, женой пекаря, и прочими, – как переживают они с женой трагическую гибель бедной Сисси Коул. При этом он нежно обнимал Лайл за плечи или крепко сжимал ее руку.

– Я всегда говорил: мыс следует огородить. В темноте там небезопасно.

– Вот именно, – поддакнула миссис Крисп, а Эгги вспомнила рассказ отца о том, как семьдесят лет назад с обрыва упал юноша и все говорили, что неплохо бы огородить Тэйн-Хед, но разговоры так и остались разговорами.

Миссис Купер придерживалась такого же мнения:

– Нам с сестрами запрещали ходить на обрыв, кроме как при свете дня. Болтаться в этих диких местах – только наживать неприятности, говаривала моя матушка. Нас было семеро, и по воскресеньям нам позволяли прогуляться с кавалерами до церкви или по Ледлингтон-роуд, но на обрыв – ни-ни, если только большая компания не устраивала пикник.

– Вы также строги с Мэри и Мэйбл? – улыбнулся Дейл. – Даже боязно признаваться, что вчера мы с леди Стейн ходили на мыс любоваться закатом. У Лайл болела голова, ее с нами не было. – Он слегка обнял жену за плечи. – Видишь, что ты наделала, дорогая? Мы с Алисией окончательно загубили нашу репутацию. В следующий раз придется взять с собой компаньонку. Миссис Купер, не откажетесь нас сопровождать?

Все подбородки тучной пожилой леди заходили ходуном от смеха.

– Надо же, когда мне запрещали подниматься на мыс, ужасно хотелось послушаться, а теперь, когда некому запрещать, я не полезу туда ни за какие коврижки! Для начала придется пройти курс похудания. – Миссис Купер всхлипнула. – Бедняжка Сисси! Ее тетя места себе не находит.

Лайл была на высоте. Она обращалась к мужу «дорогой» и выдавливала слабую улыбку, когда Дейл брал ее под руку. Бледность и расстроенный вид вполне объяснялись переживаниями о судьбе несчастной Сисси. Лайл любили за мягкий нрав и приветливость; теперь к этим достоинствам деревенские добавили ранимую душу.

Все разговоры Дейл взял на себя. С приятной улыбкой он приветствовал каждого встречного. Не забыл спросить о самочувствии матери миссис Джеймс Крисп, недавно перенесшей удар, и здоровье ее недавно крещенного сына. Его заботило, подрос ли старшенький Куперов и зажила ли пухлая коленка младшенького Коула. Стоя рядом с улыбающейся женой, Дейл сообщал всем и каждому, что вчера они с леди Стейн любовались закатом на мысе Тэйн-Хед.

– Люси, помните, как мы устраивали там пикники? Не могу забыть вкус ваших булочек. Вы единственная из хозяек, которая не жалеет масла на сэндвичи.

Миссис Уильям Крисп, восемнадцать лет назад служившая в Тэнфилде кухаркой, польщенно хмыкнула.

– Помню-помню, мистер Дейл, вас было за уши не оттащить от моей стряпни.

Кажется, спектакль удался на славу. Дейл мог собою гордиться. Когда они с Алисией будут давать показания в суде, во всей деревне не останется человека, который не знал бы, что в тот злополучный вечер они прогуливались по всеми любимым местам и любовались закатом. Лишенный таинственности и добродушно осмеянный в присутствии Лайл, этот эпизод интересовал всех только потому, что в нем был замешан Пелл, которого видели Дейл с кузиной.

Мисс Коул сидела в задней комнате вместе с толстой зареванной девочкой – одной из дочерей своего брата Джеймса. Сисси не была ее закадычной подружкой, просто юной племян-

нице почтмейстерши впервые довелось столкнуться со смертью, страстью и насилием в жизни, а не в синемаатографе или в заголовках дешевых газет.

Мисс Коул сидела в кресле, раскачиваясь из стороны в сторону и громко причитая. Завидев мистера и миссис Джернинхем, она переложила платочек в левую руку, прижала к глазам и разразилась новой порцией рыданий.

– Что делается, миссис Джернинхем! Не думала я, что доживу до такого! Еще вчера мы с вами так мило беседовали. Знала бы я, что вижу мою девочку в последний раз! «Что толку переливать из пустого в порожнее, тетя, – сказала она на прощание. – От разговоров мои чувства к нему не ослабнут. Если бы не удовольствие повидаться с миссис Джернинхем, которая так добра ко мне, ни за что не пошла бы в Тэнфилд». А я ей и говорю: «И охота тебе сидеть взаперти в такой вечер. Только смотри не задерживайся». Это, значит, я Пелла имела в виду. А она обернулась и промолвила: «А я и не собираюсь». И больше я мою девочку живой не видела.

Мисс Коул принялась яростно тереть глаза, шумно высморкалась и схватила Дейла за рукав.

– Мистер Джернинхем, его ведь уже поймали?

– Вряд ли, – ответил Дейл. – Зря вы настраиваете себя против Пелла, мисс Коул, еще ничего не известно. Возможно, Сисси сама прыгнула с обрыва.

Перестав плакать, мисс Коул выпалила со злостью:

– Да чтоб моя Сисси бросилась с обрыва по доброй воле? Не такая она была девушка, мистер Джернинхем, и я никому не позволю порочить ее доброе имя! Этот Пелл вскружил ей голову, но большего не добился. Таскался за ней по пятам, а когда получил отпор, столкнул бедняжку с обрыва. Такой же случай был в Лидстоке – один негодяй сбросил в пруд несчастную девушку, вздумавшую ему отказать. Вот и Пелл туда же. Все, что я хочу знать, – когда полиция его схватит.

Обращаясь к Лайл, мисс Коул снова заплакала.

– Вы так добры, миссис Джернинхем; надеюсь, вы с мистером Джернинхемом меня простите. Они даже не позволили мне забрать мою девочку домой до окончания следствия. Думала ли я когда-то, что наше семейство окажется замешанным в полицейском расследовании! Приходил джентльмен из «Ледлингтон газет», просил фотографию Сисси. Я отдала ее лучший снимок, его сделал мистер Рейф на церковном празднике в июне. И как только мистер Рейф управляет со своим фотоаппаратом, он же не больше ладони! Ах, миссис Джернинхем, даже не верится, что когда-то мы были так счастливы! Вы и мистер Джернинхем так добры ко мне, так добры...

Лайл держала мисс Коул за руку и иногда вставляла в ее монолог словцо-другое. При мысли о том, какое одинокое будущее ждет немолодую почтмейстершу, Лайл охватывала грусть. Поцеловав на прощание мисс Коул, Лайл со слезами на глазах вышла из комнаты.

По дороге домой Дейл удивленно заметил:

– А ведь ты и вправду ее утешила.

– Я всего лишь пожалела бедняжку.

– Именно это ей и требовалось. Ты дала ей возможность выговориться, посочувствовала, поцеловала на прощание. Ты все сделала правильно.

Лайл ему не верила. Все в ее жизни пошло наперекосяк, все запуталось, и никуда от этого не деться.

Домой они вернулись в молчании, и только возле двери Дейл положил ей руку на плечо и сказал:

– Ты меня очень выручила, дорогая.

Глава 25

В тот день Лайл еле дождалась окончания ужина – хотелось поскорее спрятаться за плотно закрытыми дверями. Однако стоило ускользнуть от младшего поколения Джернингхемов, как ее обступили поколения ушедшие, которые жили здесь когда-то, играли свои проходящие роли. Лайл никогда не считала эту спальню своей, но сегодня впервые почувствовала себя здесь лишней.

Плотные шторы закрывали окна. В затхлом воздухе висел аромат старины. Драпировки, ковры, старомодные тисненные обои, массивная мебель – все источало этот тяжелый запах.

Лайл быстро скинула платье и отдернула гардины. В комнату, серебрясь лунным светом, вместе с морским бризом вступила ночь. Укрывшись одной простыней и положив руку под голову, Лайл лежала и смотрела, как колышутся верхушки деревьев за итальянским двориком, а вдали таинственно мерцает море.

Назначив встречу мисс Мод Сильвер, Лайл утратила покой. Она без конца пыталась прогнать одну навязчивую мысль, и, кажется, преуспела, но теперь ее терзал страх, что стоит ей расслабиться, и мысль вернется. Напряжение было так велико, что в какой-то миг натянутая струна лопнула, и Лайл погрузилась в блаженное забытие. Она помнила только, что Дейл просил ее о помощи и она обещала, а значит, ей нельзя видаться с мисс Сильвер. Завтра утром нужно будет съездить в Ледлингтон и отменить встречу. Она не станет ничего объяснять, просто скажет, что не сможет приехать. Дальше мысль останавливалась. Не следует встречаться с мисс Сильвер, ведь Дейл просил о помощи. Узнав об этой встрече, он расстроится. Разговор с мисс Сильвер не поможет ему, а только навредит.

Лайл заснула и видела странные сны. Она сидела в кабине самолета, ревели моторы. Все ветра мира бушевали вокруг нее, а облака вытянулись в тонкую ниточку, потому что самолет летел быстрее молнии. Но самое страшное, в кабине не было пилота. Лайл сидела там совершенно одна...

Луна светила ей в лицо. Не просыпаясь, Лайл перевернулась на другой бок и снова забылась тревожным сном. Теперь она очутилась в совершенно безлюдном месте, в ужасном средоточии одиночества – месте, где человек теряет свою суть. Там не было даже ее самой. Лайл вскрикнула и проснулась в холодном поту.

Закутавшись в одеяло, Лайл снова погрузилась в сон. Теперь она стояла в любимом укромном углу сада. День клонился к вечеру. По незнакомым ступенькам она спустилась на пляж, который видела впервые. Полоса золотистого песка уходила вдаль, солнце низко висело над морем. Все вокруг казалось таким безмятежным, но на сердце давила тяжесть. Начинался отлив. Внезапно сзади послышались чьи-то шаги, неумолимые, словно отпечатки на песках времени. И некуда спрятаться, некуда бежать, и невозможно оглянуться.

Впереди, загораживая солнце, возвышалась скала, обрывистая, как Тэйн-Хед. Да ведь это и впрямь Тэйн-Хед! А у подножия лежит тело Сисси Коул, прикрытое жакетом в клетку. Шаги сзади смолкли, здесь дорога кончалась. Лайл наклонилась и откинула жакет с лица мертвой девушки. На песке лежала не Сисси Коул, а она, Лайл Джернингхем... Внезапно на плечо легла рука...

Лайл проснулась, не чувствуя ни рук, ни ног. В комнате было темно хоть глаз коли. Где-то в доме хлопнула дверь. Это помогло Лайл сориентироваться в пространстве. Она встала с кровати, подошла к окну. Туман, закрыв луну, поднялся с моря, тяжелым покрывалом укутав спящий мир. Лайл еще долго одиноко стояла у окна.

Глава 26

Утром, когда Лайл спустилась в столовую, туман по-прежнему висел в воздухе. Дейл позавтракал и уехал. Алисия курила, потягивая апельсиновый сок. Прочертив сигаретным дымом приветственную закорючку, она проворковала:

– Дейл сообщил тебе, что отныне нам придется изображать закадычных приятельниц? Он до смерти боится пересудов. Мужчины такие мнительные, а Дейл еще и феодал, я так и сказала тому симпатичному полицейскому. Не все ли равно, что там болтают всякие Коулы, Криспы и Куперы?

Лайл налила себе кофе и, не оглядываясь, ответила:

– Не знаю.

– Как прикажешь тебя понимать?

Лайл поставила кофейник на стол.

– Мне не все равно, что говорят о Дейле в деревне: если правду, нас троих ждут тяжелые времена, если врут – то лучше пресечь сплетни.

Лайл с чашкой в руке подошла к столу.

– Подумайте, какая невинность! – рассмеялась Алисия. – Но ты же не откажешься от прогулки в деревню рука об руку? А там придумаем, чем заняться.

В столовую вошел Рейф. Алисия тут же переключилась на него:

– А как же работа?

Рейф подошел к столу.

– Омлет – возможно. Бекон – не сегодня. Что ты сказала, дорогая?

– Я спросила, почему ты не на работе.

Рейф помахал рукой:

– Большой палец еще болит. Ты, конечно, скажешь, что я все сочиняю, но с таким же успехом я могу сочинить, что вывих мешает мне чертить. Больше на моей подаче!

Алисия выпустила тонкую струйку дыма.

– А указательным чертить не пробовал?

– Посмотрим, как ты обойдешься без большого пальца, дорогая. Гейм и сет. Неужели копченая селедка? Лайл, это что, кофе? Ты истинная американка. – Рейф занялся селедкой. – Славная королева Бесс уплетала на завтрак говяжий филей, запивая пивом. Мы вырождаемся. Ты клюешь как птичка, Алисия декадентствует, запивая никотин апельсиновым соком, один я горой за производство копченой сельди. Итак, чем займемся сегодня?

Алисия затушила сигарету о край его тарелки.

– Копченая селедка с никотином – вот истинное декадентство. Мы с Лайл собрались в деревню, демонстрировать каждому встречному и поперечному, как крепка наша дружба.

– Боюсь, сегодня утром я не могу, – сказала Лайл.

– Не можешь? – удивилась Алисия.

– Мне нужно в Ледлингтон.

Алисия рассмеялась.

– Не получится. Дейл забрал машину.

Лайл растерялась. Хорошо, если Алисия согласится подбросить ее до города, а если нет, можно взять напрокат машину Уильяма Криспа, но не хочется давать повод деревенским для сплетен.

– Ледлингтон мне наскучил, – заявила Алисия. – В другой раз туда съездим, а сегодня пойдем в деревню.

– Какая ты заботливая, всегда думаешь о других. А про мою машину забыли? Мы с Лайл поедem в Ледлингтон, а ты можешь отправляться в деревню, – заметил Рейф и обратился к Лайл: – Когда выступаем, прелесть моя?

Алисия вспыхнула:

– Как ты ее называешь? Будь я Дейлом...

Рейф расхохотался.

– Ты бы хорошенько позавтракала. Держу пари, прежде чем уехать, он основательно подкрепился. – Рейф обернулся к Лайл: – Так когда мы едем?

Лайл с благодарностью посмотрела на него.

– Прямо сейчас можно?

– Отчего ж нет.

– А ты не собираешься покупать новую машину? – язвительно спросила Алисия.

– Придется. Без машины как без рук.

– Впрочем, в твоem распоряжении всегда есть Рейф. Когда вывихнет палец.

Рейф поднялся и отнес тарелку на буфет. На обратном пути к столу он продекламировал:

– Скажи, куда тебя везти, – я так и поступлю. Что повелишь, любовь моя, тому и уступлю¹².

Алисия прыснула.

– Не пытайся уверить Лайл, что ты от нее без ума. Напрасный труд.

– Лайл доверчивая, – улыбнулся Рейф, – вдруг клюнет? Разрешаю тебе поведать ей все без утайки о моих похождениях. Впрочем, ты в разрешении не нуждаешься. – Он с улыбкой посмотрел на Лайл. – Увы, я не пророк в своем отечестве. Алисия не даст соврать, настоящая страсть мне неведома. Я донжуан, мой конек – флирт, к тому же я люблю браконьерствовать. Разоряю курятники, но к яйцам не притрагиваюсь, разрушение – вот что меня влечет. Всем известно: у меня нет сердца. Ну вот, теперь ты знаешь обо мне все.

Лайл заставила себя улыбнуться. Ей было неведомо, что за подводные течения бушуют в этой комнате, но она заранее опасалась.

– Не может быть, – произнесла она с натужной легкостью.

Алисия расхохоталась.

– Может. Он холоден как рыба. Нет, рыба и то отзывчивее.

– Тогда, может быть, змий? – предположил Рейф с воодушевлением. – Нет, правда, змий куда лучше. «Его душа в змеиной коже...» Оригинальный поэтический экспромт от Рейфа Джернингема! Не слушай ее, детка, она хочет убедить тебя, что мне нельзя доверять и совершенное безрассудство ехать со мной в Ледлингтон, тем более это не совпадает с ее планами.

– Я только переоденусь, – сказала Лайл.

Когда они выехали на Ледлингтон-роуд, туман рассеялся. Заметно потеплело, а дымка на солнце обещала жаркий день.

– Почему Алисия говорит такие вещи? – неожиданно спросила Лайл.

Рейф хитро покосился на нее:

– А ты не догадываешься?

– Нет. Кажется, она чем-то рассержена.

– Несомненно.

– Почему?

Рейф пожал плечами:

– Почему люди сердятся?

Лайл оставила попытки его разговорить. Неизвестно, куда занесет ее это течение, если поддаться его напору. Откинувшись на сиденье, она промолчала всю дорогу до Ледлингтона.

¹² Рейф перефразирует стихотворение Роберта Геррика «Госпоже его сердца Антее».

– Куда тебе? – спросил Рейф, когда они въехали в пригород с его новенькими домами: блестящая черепица, яркие занавески на окнах, недавно разбитые сады и вывески: «Уютный уголок», «Милый домик».

– На Хай-стрит, в «Эшли». Я ненадолго.

Рейф рассмеялся.

– Все вы, женщины, так говорите. Я успею заглянуть в парикмахерскую?

– Успеешь.

– И не раз. Ладно, не спеши.

В «Эшли» дамам, заехавшим в город, чтобы навестить магазины и друзей, предлагался набор всевозможных услуг: привести в порядок прическу, наложить маску для лица, полистать в удобном кресле журнал, сделать конфиденциальный звонок.

Именно ради телефонной будки Лайл и заглянула в салон. Плотнo закрыв дверь, Лайл заказала разговор с Лондоном – в Ледлингтоне еще не провели автоматическую линию, и, судя по всему, горожане не считали это неудобством.

Лайл обрадовалась, что, кроме нее, в салоне не было посетительниц, только горничная протирала зеркало над умывальником.

– Соединяю, – сказал оператор.

Раздался щелчок, и вслед за ним в трубке послышался строгий голос:

– Слушаю.

Хватило одного слова, чтобы Лайл увидела приземистую фигурку в скромной чесуче и коричневой шляпке с букетиком резеды и анютиных глазок.

– Мисс Сильвер, это Лайл Джернингхем. Сегодня я не смогу приехать.

В трубке раздалось покашливание.

– Ах ты, Господи, как жалко. Вы уверены, что не сможете?

– Уверена, – сказала Лайл, гадая, что думает о ней мисс Сильвер.

– Ах ты, Господи! – повторил строгий голос. – А как насчет завтра?

Больше всего на свете Лайл хотелось согласиться, но она не смела. Дрожащим голосом она попрощалась и положила трубку. Чтобы не передумать, Лайл опрометью выскочила из будки и зашагала к машине. Ей пришлось ждать Рейфа внутри.

Он подошел к машине, и сердце Лайл неожиданно забилося. Что-то случилось, решила она, но тут же усомнилась в своем предчувствии – Рейф улыбался как ни в чем не бывало, однако на выезде из города небрежно проронил:

– Пелла схватили.

Так вот в чем дело!

– Откуда ты знаешь?

– Встретил Марча, завтра допрос.

Лайл откинулась на сиденье и прикрыла глаза. Туман рассеялся, влажная дорога блестела на солнце, сердце выпрыгивало из груди.

– Так это Пелл? Это он столкнул Сисси с обрыва?

Рейф нажал на акселератор. Новенькие домики пролетели мимо, за ними потянулись поля.

– Это решать присяжным, – ответил он спокойно. – Пелл клянется, что невиновен.

Глава 27

Мисс Сильвер положила трубку и снова взялась за вязание. Придуманный ею узор нового свитера для племянницы требовал внимания. Две изнаночных, две лицевых, одну снять, снова две изнаночных... Главное – не отвлекаться. Но не прошло и десяти минут, как мелькание спиц замедлилось, а бледные пухлые ручки опустились на синюю шерсть.

Мисс Сильвер не любила, когда клиент отменял встречу. Обычно это свидетельствовало о сомнениях, происходящих от неуверенности в себе. Некоторые действуют, повинаясь внезапному импульсу, а впоследствии раскаиваются в своей горячности. Другая причина – страх. Женщина, с которой мисс Сильвер познакомилась в поезде, определенно была напугана. Отмени она встречу, назначенную второпях на перроне, мисс Сильвер не удивилась бы, но после их знакомства много воды утекло, а значит, попутчица имела возможность обдумать свое положение. И все-таки отменила встречу. По телефону голос Лайл Джернинхем дрожал. Она боялась сказать слишком много. Ее, такую воспитанную и чуткую, мало заботили правила этикета. Лайл Джернинхем двигал страх.

Мисс Сильвер достала из ящика стола тетрадку в блестящей голубой обложке и, пристроив ее на мягкой подставке из недовязанного свитера, открыла на странице, озаглавленной «Миссис Дейл Джернинхем». Страница содержала отчет о разговоре в поезде, в тетрадку были также вложены газетные вырезки. Мисс Сильвер погрузилась в изучение материалов.

Кабинет мисс Сильвер представлял собой уютную комнату в викторианском стиле с ярким брюссельским ковром на полу, плюшевыми гардинами переливчатого синего цвета, экраном и письменным столом из желтого ореха с витиеватой резьбой. Оливково-зеленый экран украшала вышивка крестиком: маки, подсолнухи и пшеничные колосья. Фотографии в серебряных рамках, а над каминной полкой, на обоях в мелкий цветочек, – гравюра Милле «Черный брауншвейгский гусар». Стену напротив оживляли «Мыльные пузыри» и «Пробуждение души» того же Милле и «Монарх из Глена» Лэндсира. По обеим сторонам камина стояли резные старомодные кресла на гнутых ножках.

Сама мисс Сильвер – благообразная пожилая дама с сеточкой на волосах – отлично вписывалась в интерьер. Единственным предметом, лишенным резьбы, завитушек и прочих украшательств и посему казавшимся здесь лишним, был новомодный телефонный аппарат, нахально занявший место посередине стола, словно напоминая, что век королевы Виктории завершился почти четыре десятилетия назад.

Часики на каминной полке, украшенные деревянной резьбой в виде эдельвейсов, пробили полчаса. Мисс Сильвер спрятала тетрадку в ящик стола, бережно отложила в сторону свитер Этель, сняла трубку и набрала номер диспетчера. Некоторое время в трубке было тихо, затем раздался щелчок и густой бас пробубнил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.